

Олег Овсянников  
*Возмездие*



Олег Овсянников

**Возмездие**

«Издательские решения»

**Овсянников О. А.**

Возмездие / О. А. Овсянников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748773-7

Только преступник в повседневном шуме может услышать тихие шаги палача. Понимая, что приговор уже прозвучал. И вот тогда страх неотвратимости наказания смертельным ужасом парализует жертву.

ISBN 978-5-44-748773-7

© Овсянников О. А.  
© Издательские решения

# Содержание

Чем чёрт не шутит...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

# **Возмездие**

**Олег Александрович Овсянников**

© Олег Александрович Овсянников, 2018

ISBN 978-5-4474-8773-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Чем чёрт не шутит...

Седовласый пожилой мужчина, поднявшись со стула навстречу вошедшему, средних лет военному, радостно обнял его.

– Ну, здравствуй, Андрей Петрович! Не прошло и года, отстранившись, с улыбкой оглядев, добавил, – Красавец! А ведь идет тебе генеральская форма. – Ладно, Николай Иванович комплименты рассыпать. Говори, зачем понадобился. Ведь не для этого мне тридцать верст пришлось мотать, – с некоторым укором заметил военный. Значит, обойдемся без прелюдий. Меня, Андрюша, хорошо знаешь. С тобой полгода после контузии возиться пришлось. И как помнишь – пустяками не занимаюсь, недосуг, а ради праздного любопытства беспокоить не стану.

Николай Иванович подошел к столу и, выдвинув ящик, достал объемистую с виду папку. Бережно придерживая рукой, открыл титульный лист.

– Значит, так. Ну, то что приходится возглавлять реабилитационный центр, можно сказать, филиал госпиталя Бурденко, надеюсь, ты в курсе. Основной контингент – перенесшие пост травматический шок – контузии. Одним словом, приводим в порядок бардак в головах, войной намешанный. Большинство поступает из Чечни. Так вот, – пожилой доктор подсел на диван к генералу. Обратив внимание на немного отупелый взгляд последнего, серьезным тоном попросил: – Андрей, это очень важно. Ты для меня как сын родной, уважь старика, потерпи. Нацепив очки, углубился в открытую папку. «С 31 декабря на 1 января в непосредственной близости от президентского дворца, в результате прямого попадания, предположительно противотанковой ракеты, был подбит БТР с экипажем и взводом спецподразделения 61 десантного полка. И только третьего числа, в результате контратаки появилась возможность вывезти тела погибших. Трупы были доставлены в госпиталь, развернутый в районе аэропорта».

– Тяжелые бои там были, – заметил генерал.

– Нет, нет, ты послушай, что дальше, – с недовольством, продолжил доктор. – В ночь на четвертое санитар морга сержант Поливанов, проходя мимо палатки с телами убитых, услышал стон. Доложил дежурному врачу... – и, что ты думаешь, – в возбуждении выпалил Николай Иванович, – они нашли там находящегося в беспомощности солдата. Но самое интересное, отмыв его от копоти и грязи, не обнаружили на теле никаких повреждений. Как можно было среди одеревеневших не распознать живого – первая загадка. Далее, после всех процедур он поступает ко мне с полной амнезией. Возим на колясочке, кормим с ложечки, ставим клизмочки – вот все лечение. Ждем, может, время поможет. Неделю назад, днем, сидит он в кресле у клумбы, воздухом дышит. Тут случись весенняя гроза, знаешь, как бывает, неожиданно, в течение минуты. И на глазах у всего персонала – молния в темечко! Его в реанимацию и, как ты правильно предполагаешь, Андрюша, он очнулся. Вот тебе вторая загадка. Обследовали – удивлению предела нет, реакция у него раз в пять быстрее, чем у нормального среднего человека, а давление и пульс ни при каких условиях не изменяются. Ну а что он говорит, просто диву даешься. Вижу, заинтриговало, – одобрительно констатировал доктор. – Мне не раз с удивительными случаями столкнуться приходилось. Даже раз было, после контузии, конюх из-под Рязани на двух языках заговорил. Но чтобы никак на внешние воздействия не реагировал – такого не припомню.

– Ну, а я то тут причем? – спросил генерал.

– Да вот сомнения у меня, Андрей, – несколько успокоившись, пояснил Николай Иванович, – отправил все документы в Москву, а оттуда приказ препроводить данного товарища в четвертую нейрохирургию. А для меня не секрет, там спецы по лоботомиям и трепанациям. Ты поговори с ним как-нибудь пожалостливее, – попросил доктор.

– Да давай, если нужно, – удивленно согласился военный.

– Вот и чудненько, – засуетился врач, приоткрыв дверь, распорядился, – Сидорова из шестой пригласите, будьте так добры.

Ежик, фыркнув, поднял мордочку и принохиваясь посмотрел своими глазками-бусинками прямо в лицо стоявшему перед ним молодому парню.

Широкоплечий, в больничной пижаме, тот удивленно уставился на наглое животное, помешавшее прогулке.

– Вот, на создавал хозяин чудес различных, – серьезно произнес он. И, сделав шаг в сторону, тем же тоном добавил: – Прошу!

Ежик засеменил по дорожке, а парень еще долго провожал его взглядом. Подошедший пожилой санитар, остановившись неподалеку, заискивающим покашливанием попытался обратить на себя внимание молодого человека.

– Петр Николаевич. Вас главврач к себе зовут.

– Хорошо, Михеич, сейчас приду, – серьезно ответил парень и не спеша направился в сторону административного корпуса.

Без стука войдя в кабинет, проследовал в центр комнаты. Встав напротив врача, молча застыл.

Николай Иванович чуть взволнованно представил парня генералу. Молодой человек равнодушно повернулся в его сторону и медленно пожал протянутую руку, при этом пристально посмотрел в глаза военного, почему-то вызвав у него смущение и беспокойство.

– Сынок, мы тут твое личное дело почитали, вот решаем, как помочь. Родственников, полагаю, у тебя нет – детдомовский. Вот, может, жилищную проблему улучшить, как думаешь?

Парень, обернувшись к внимательно наблюдающему врачу, спросил:

– Так, понимаю, Вы не удосужились объяснить, кто я и зачем сюда прибыл.

– Да вот, голубчик, неудобно мне как-то. Вы уж, если можно, сами, – попросил врач.

Молодой человек без тени смущения обратился к генералу: – Цель создания материального мира – перевод энтропии в энергию духовного свойства. Единственная форма, способная сделать подобное, – это человек.

– погоди, сынок, что-то никак не пойму, о чем ты, – озабоченно прервал монолог военный, – Николай Иваныч, ты мне объясни.

Доктор, будто не услышав вопрос, спросил замолчавшего парня:

– В таком случае, что является первопричиной всего?

Не задумываясь, молодой человек пояснил:

– Вседержитель – единое многообразие, все во всем. Материальной формы в определении не имеет. – Тогда как была создана земля? – заинтересовался врач.

– Часть божественной энергии сознательно погружается в хаос, создавая первичный порядок.

– Хорошо, это, допустим, понятно, – возбужденно жестикулируя, заходил по комнате доктор, – Ну тогда откуда взялось зло?

– Замысел создания материального мира послужил причиной разрыва единой Божественной силы на противоположности. И мир был воздвигнут в момент разделения на созидательное движение и застывшее совершенство.

Очень тихо с дивана донеслось:

– И что же было такого страшного в замысле, что заставило разделиться?

Парень, монотонно выговаривая, произнес:

– Настолько могуществен создатель, что даже однажды сконцентрированная, мыслеформа начинает существовать самостоятельно.

Генерал, дождавшись конца диалога, подхватив под руку внимательно слушающего доктора, отвел его в дальний угол комнаты и с некоторым беспокойством участливо зашептал:

– Николай Иваныч, с тобой все в порядке? Он сумасшедший бред несет, а ты ему поддакиваешь.

Пожилой врач, нисколько не обидевшись, как будто что-то вспомнив, подошел к столу и, покопавшись в папке, вернулся, передав генералу фотографию. На снимке четко выделялась татуировка, изображающая огромного змея, кусающего себя за хвост.

– Что это? – удивился военный.

– В науке известны случаи, когда после попадания молнии в человека на его теле образуется рисунок. Как правило, это пейзаж или какая-либо геометрическая фигура. Подобное явление было названо молниеграммой. Через некоторое время следы рисунка исчезают. У тебя в руках фотография со спины данного молодого человека сразу же после несчастного случая, – Николай Иванович показал рукой на неподвижно стоявшего посреди комнаты парня. – Не скрою, пришлось проконсультироваться. И знаешь что, обозначает подобный символ? В оккультной традиции носит название – Оуробор. Тайное значение знака связано с понятием времени, чей ход определенным образом сопровождается разрушением. Поскольку прошлое как будто бы безвозвратно теряется – время пожирает самоё себя. Это предвестник начала свертывания системы.

Генерал, в отчаянии вскинув руки, простонал:

– Николай Иваныч, опомнись! Какой конец света, ты в своем уме?

В этот момент подошедший ближе молодой человек, обращаясь к военному, прошептал:

– Прошу представиться.

Тот, обернувшись на нелепую фразу, натолкнулся на взгляд. Увидев в глазах зеркальный блеск и заметив в них отражение мелкого суховато-зеленого человечка в мундире генерала, неожиданно стих и пристыжено замолчал.

– Почему вы не допускаете, что противоборство противоположностей однажды не может закончиться? Пророчество Апокалипсиса в состоянии вступить в действие в любую минуту. Добру для этого достаточно перед уничтожением материальной субстанции вывести своих последователей в сферу бессмертия. Кроме создания светлого дома, другого исхода для Земли нет. Мир зла для добра не существует, свет не в состоянии увидеть темноту. – Молодой человек, на секунду прервавшись, добавил: – К вам прибыл координатор. Подобное случилось в Содоме и Гоморре.

– Но почему к нам – в каком-то отчаянии вскрикнул доктор.

Парень, не повышая голоса, продолжил. Именно в России решается судьба планеты, – и, повернувшись к застывшему генералу, добавил: – Поэтому армии в будущем предстоит миссия, если будет принято решение предоставить шанс. – Затем, обратившись к Николаю Ивановичу, попросил: – Будьте добры, распорядитесь выдать мне одежду, пришло время покинуть Вас, добрый доктор. Спасибо, – И, не прощаясь, вышел из кабинета.

...Народ стремительно выдавливался из вагонов прибывшего поезда. Одним из последних на перрон сошел молодой человек в неприметной серой куртке и голубых джинсах. Совершенно не торопясь, будто у него уйма времени, направился к выходу. Очутившись на привокзальной площади в суетливо галдящем месиве, целенаправленно проследовал до оживленного перекрестка. Расположившись неподалеку от перехода, равнодушно стал наблюдать за отчаянными попытками смельчаков перебежать улицу, маневрируя между движущимся транспортом. Минут десять его развлекала подобная коррида, но вскоре, уже несколько недовольно, он стал поглядывать на часы. Заметив на противоположной стороне мальчишку лет двенадцати, ступившего на проезжую часть в надежде проскочить между мчащимися машинами, заинтересованно напрягся. Пацан с ловкостью миновал пролетевшую «девятку», увернулся от иномарки и уже у самого тротуара, поскользнулся и был сбит микроавтобусом. Тело, пролетев метров пятнадцать, нелепо рухнуло возле растущего поблизости чахлого деревца. Какие-то сердобольные женщины бросились к мальчику, крича наперебой: кто – милиция, кто – ско-

рая помощь. В толпе замелькали стражи порядка. Прозвучала рутинная фраза: «Очевидцев попрошу остаться». Вдалеке скрипуче-пронзительно завыл сигнал скорой помощи. И уже над телом склонился врач в белом халате, стараясь пытливым пальцем нащупать признаки жизни в артерии на шее у пострадавшего. По скорбной маске на лице врача и обреченному жесту всем стал ясен исход трагического происшествия. Санитар с водителем неспешно направились за носилками. Доктор, стоя возле милиционера, закурил сигарету. Никто даже не обратил внимания, как к лежащему пареньку подошел молодой человек. Опустившись на колени, обхватив руками голову парнишки, не особо сильно потряс. И тот, открыв глаза, застонал. Затем последовал истинно русский бардак. Растерянный врач старался успокоить порывавшегося встать с носилок мальчонку. Милиционер допытывался у мужчины, кто он такой, тщательно проверяя предъявленный ему военный билет и медицинское направление в госпиталь Бурденко. В конечном итоге все кончилось тем, что парень заявил о знакомстве с пострадавшим и попросился сопровождать его в больницу.

Уже в машине скорой помощи, стоило им отъехать подальше от вокзала, почти равнодушно посмотрев врачу в глаза, приказал: – Любезный, остановите. Мы сойдем. – И тот, чего-то испугавшись, поспешил выполнить просьбу. Парень вместе с мальчишкой зашли за угол дома и, пройдя под арку, очутились в тихом дворике. Присев на лавочку, молча понаблюдали за гуляющей бабушкой с облезлым пуделем на поводке. И только после паузы молодой человек поинтересовался: – Ну, ты как?

Парнишка, почесав затылок, заикаясь, ответил:

– Немного непривычно. Мне, если честно, никогда не приходилось миссию выполнять. – И тут же спросил у взрослого: – А как тебя здесь называть?

– Просто Петр. Кем ребенок был, чем обязаны?

– Значит, так, – осмелев, доложил мальчишка. – Имя мое Вова, фамилия Бокин. Год назад с мамкой решили продать трехкомнатную квартиру и податься в деревню к деду. После того, как маманька подписала бумаги, ее куда-то увезли и Вова родительницу больше не видел. Пошел в милицию, но там заявили: квартира продана, а мать бросила и скрылась с деньгами. Стали оформлять в детский приемник, сбежал. Близких в Москве не имеется, родня где-то под Костромой. Вова подозревает – маму, наверно, убили. Интересно, почему его забрали? Петр отозвался:

– Существует легенда: когда богиня Гера попросила богов по их усмотрению наградить сыновей, те послали им раннюю безболезненную смерть. Поверь, причина ухода не в тебе, но справедливое наказание за него предстоит выполнить. Понял, Вова?

– Да, командир! – смеясь согласился мальчишка, – Мне он нравится. Хоть бичевал год, с гнильем в близости жил, а в душе поэт, весельчак. Чистый дом после себя оставил. Такие Там нужны. – И многозначительно показал пальцем на небо. Заметив севшего на соседнее дерево ворона, восторженно продекламировал: – Сидит ворона на суку, а мне нет дела до нее. И не хочу даже смотреть на эту птицу дивную. Гениально! – похвалив себя, подытожил Вова. Петр, скептически оглядев мальчишку, заметил: – Надо бы тебя приодеть. Поизносился за время скитаний. – А где деньги возьмем? – оживился парнишка.

– Да вон, чертов домик светится. Там и попросим на нужды сиротские. – Кивнул в сторону зазывной рекламы недалекого казино, – Ты меня здесь подожди, и не озорничать. Уяснил? – грозно предупредил он засуетившегося мальчонку. Медленно поднялся и не оглядываясь пошел в сторону намеченной цели.

В азартном зале было немногочленно. Несколько человек коротали время за Блэк-Джеком и столько же, играя небольшими ставками, заставляли крупье периодически запускать рулетку. У входа с бульдожьей ленью за присутствующими наблюдали охранники. Петр подошел к столу с рулеткой и, дождавшись приглашения крупье делать ставки, уверенно бросил фишки на цифру 13. Шарик, пущенный рукой распорядителя, заставил всех с напряжением

следить за его полетом. Затем, попрыгав по ячейкам, надежно улегся в «чертову дюжину». Крупье, оградив флажком выигрышный номер, руками сгреб остальные жетоны и озабоченно принялся отсчитывать призовую сумму. Пододвинув горку разноцветных кружков к неподвижно стоящему молодому человеку в серой куртке, выжидательно застыл. Петр негромко спросил:

– Извините, какова максимальная сумма ставки?

– Пятьсот долларов на число.

– Именно столько опять на 13, – попросил Петр.

Шарик, закружив, повторил все в точности, как и в первый раз. Пришлось доставать тазик, чтобы донести все фишки в кассу, около сорока минут ждать, пока принесут деньги и пересчитают. Тугие пачки уложили в целлофановый пакет. Петр вышел, даже не обратив внимания, что за ним небрежной походкой последовали два довольно крупных молодых человека. Свернув за угол, он перешел дорогу и пройдя метров десять, миновав арку, очутился в знакомом дворе. Мальчишка, лениво развалившись на лавке, весело закричал, увидев Петра:

– А меня, пока тебя не было, какая то бабка пирожками кормила. Ну что, дали там денег?

– Все, как обещано, – присаживаясь на скамейку, буркнул Петр. И увидев, как Вова роется в пакете, пристыдил: – И охота тебе в грязи ковыряться? На них столько боли, проклятый, а может, и того побольше – греха смертного. До конца жизни не отмоешься.

Заметив появившихся в арке двух глыбообразных людей, направляющихся в их сторону, проговорил:

– Вот и первые торопятся. Пора начинать чистку.

Один из подошедших, оглядев пустынный двор, вытащил из-под куртки пистолет и, передернув затвор, направил ствол в голову сидевшему перед ним парню.

– Слышь, ты, пакет сюда. Быстро! – грозно прорычал бандит.

Петр, спокойно посмотрев на стоявших перед ним, мирно предложил:

– Может быть, желаете побеседовать перед смертью, или попросить чего?

А мальчик, обратив внимание, как вытягиваются лица грозных грабителей, добавил:

– Молодой упырь игривый на лугу озорничает. И не ведает шалун, что петух давно пропел.

Этим добил их окончательно. Один, напружинившись, пытался что-то сказать, но Петр ласково прекратил мучительные попытки:

– Не ожидали хозяев встретить, бывает. А теперь идите домой, достаньте спрятанный в ванной героин, уколите и сдохните. Ступайте, пора.

Молодцы, как заведенные, повернулись и медленно побрели со двора.

– Жалко ребят, даже поэзии не оценили, – посочувствовал Вова.

– Им теперь не до нее, – вставая, отозвался Петр.

– Старшой! А нам за подобное самовольство не попадет?

– Не бойся, позволено. Видишь, для проявления даже тела чистые выделили, без греха.

В этом мраке никто нам препятствовать не в состоянии. Плаху не судьи воздвигают, а палачи строят. Черта с Богом сравнили, а того не поймут, что затмение солнца только на земле бывает.

Вова, зачем-то вскочив на лавку, хитровато задал вопрос:

– Странно, почему темный князь на нашу миссию согласился?

Петр с сожалением заметил:

– Вот ты демон. Нарушен единственный принцип зла.

– Это какой же? – делая вид, что не особо ему важен ответ, поинтересовался мальчишка.

– А ты сам догадайся. Чем черт не шутит?.. Все, пора. Нам еще за убиенное детство новопреставленного раба Вовы поговорить кое с кем необходимо. – И подхватив пакет, не торопясь, направился к арке.

Подъехав на такси к Петровскому пассажиру, проследовали внутрь блестящего никелем магазина. Уже через час из дверей фешенебельного здания вышли совершенно обновленные молодой мужчина в черном двубортном пиджаке, кремовых в защипах брюках и лакированных до зеркального блеска ботинках и мальчик, не менее экстравагантно одетый в кроссовки с наворотами, джинсы и с рюкзаком через плечо.

– У нас внешность бесподобная. Гениально! – несколько раз повторил вслух Вова садясь в машину.

В кабинет начальника РЭУ проследовала необычная парочка. Переступив порог, молодой человек вместо приветствия удрученно заметил: – Надо же, и тут бесенок.

Сидевший за столом, возмущенный наглостью посетителей, привстав, угрожающе зашипел: – Это ви мнэ такой гаваришь?

– Вот видишь, Вова, с трудом язык освоил, а туда же – в правители, – констатировал мужчина, обращаясь к мальчишке, вошедшему вместе с ним. – А вы садитесь, Казбек Памирович, – предложил он багровому от злости начальнику. И, повысив голос, приказал: – Попрошу слушаться, сейчас ваша судьба решаться будет.

Отчего-то вмиг побледневший, хозяин кабинета обреченно опустил в кресло. Посетители расположились на стульях и избрали несколько странную форму общения, разговаривая исключительно между собой.

– Вот, Вова, какова забота о семье! Этот гражданин за деньги купил должность. Плохо, но терпимо. Затем получил служебную квартиру и перевез свою половину. А дальше – больше, приступил к благоустройству родственников. И тут, представь, одинокие жильцы во вверенном ему хозяйстве меняться на горные поселения захотели. Исключительно вовремя! Поедут новые жилища смотреть – и никто их больше не видел... Вот и к вашей беде руку приложил. А нам остается узнать, кто родительницу жизни лишил.

От стола послышалось бормотание:

– Хулиган, милицию звать хочу. – А затем, видно в отчаянном порыве, почти в крик: – и кто ты такой? И есть люды, с тобой гаварыть будут.

Мальчишка, сделав жалостное лицо, возвестил:

– Разошелся дед Егорка в винном отделении, для удобства не хватает двух приятелей ему. Молодой человек, встав со стула, заметил:

– Пошутили и хватит. А теперь за дело.

Его глаза наполнились зеркальным блеском, непонятно, что в них увидел сидевший напротив начальник, но только рухнув на колени и схватившись руками за голову, утробно захрипел:

– Нэ надо, нэ надо. Хоть дэтей пожалей!

Парень спокойным голосом прервал мольбу:

– Здесь нет судей, мы исполнители, – повернувшись к мальчишке, спросил: – Не находишь в грехе озорства?

– Нет, только умысел злобный и расчет, – не задумываясь ответил тот.

– Вот видишь, не случайно ты в грех впал. Сознательно дорогу искал в ад.

Стоявший на коленях пытался оправдаться, повторяя:

– Слушай, дай объясню.

Но парень, видно, не пытаясь вникать в подробности, равнодушно проговорил:

– Знаем. Давал только сведения. Но в грехе нет разделения, любой сопричастен знанием о нем. Звони.

Поникший начальник подошел к столу и дрожащей рукой набрал номер. Подождав, попросил:

– Тут некоторый гаварыт хочет. – И передал трубку парню.

– Здравствуйте. Мы здесь по поводу квартиры в доме номер девять.

Женщина там с ребенком была прописана. Вы ее убили, а вот мальчонка к нам обратился. – Затем в длительной паузе он слушал ответ на другом конце провода. Фразой: «Хорошо, сейчас приедем», закончил разговор.

Покидая кабинет, повернулся к тоскливо приунывшему начальнику и предложил:

– Напиши все, да отнеси в прокуратуру. Здесь недалеко, через дорогу. Может быть, сохранят близких, – и, отвернувшись, покинул опасное для проживающих место.

На Метростроевской углубились во двory старинных трехэтажных зданий. Обойдя облупленный угол дома, вышли к аккуратному особняку в стиле ампира, видно, построенному когда-то купчишкой для тайных увеселений. Отреставрированный, он играл новизной похотливой архитектуры. Рядом на площадке стояли десятки роскошных машин.

В холле посетителей встретили четверо охранников. Один из них, отвернувшись, тут же доложил по переговорному устройству начальству, затем, переключившись, потребовал у какого-то второго и третьего выяснить

обстановку. Услышав, что никто более не прибыл, а гости явились на такси, отупело уставился на равнодушно наблюдающего парня.

Их проводили на второй этаж и пригласили в большую комнату, где за столом сидели двое: молодой мужчина в элегантном костюме с нагло-брезгливым выражением лица и пожилой, лет пятидесяти, с внимательным, цепким взглядом. Именно он первым предложил:

– Присаживайтесь, гости дорогие, потолкуем. Откуда, по какой надобности к нам пожаловали? Как звать-величать, надеюсь, представитесь.

– Конечно, – так же дружелюбно отозвался парень, – Мое имя Петр, мальчика нарекли Вовой. Мать сгубили, квартиру отняли, а его, сироту, до убийства довели. Нас просили разобраться.

– Ну, ты слышишь, Метель. У них с чердаком не все в порядке, – вскинулся брезгливый. – Тоже мне защитник, права качать наглости набрался.

– А ты погоди, Леня, про какое такое убийство человек обмолвился? – остановил словоизлияние пожилой. – Ты решил, если к делу авторитетов подтянул, крышей любое дерьмо покрывать позволено?! Да мне, вору в законе, подобный укор слышать запахло. Мать завалил и малолетку сиротой оставил. Ты что ж делаешь?

С молодого вмиг слетела спесь, и как побитый, с ноткой страха в голосе примирительно заюлил:

– Метель, мы по-блатному это сами можем обсудить, без посторонних.

Пожилый с яростью захрипел:

– Это ты блатной, коммерсант. Есть воры в законе, а есть законные воры, и разница между нами, как земля и небо. Мы, сознательно нарушая закон, не стремимся разрушать устой государства, уважая закон, а вы изменяете закон для удобства воровства, подтачивая основу и ослабляя веру в закон, а это ведет к бунту. И никому мало не покажется. – Поднявшись, ткнул пальцем в грудь испуганного бизнесмена и добавил: – Пацану хату вернешь, а что с тобой делать, подумаем, – и, не прощаясь, покинул комнату.

Коммерсант, прокашлявшись, принялся объяснять:

– В квартире только ремонт закончили. Не заселена, готовили к продаже. Ключи сейчас принесу, а документы позже оформим. Думаю, все в шоколаде при таком раскладе, – попытался состроить он.

Петр, не проявив уважения к юмору, холодно спросил:

– Сколько сейчас времени?

– Без десяти шесть, – удивленный неожиданным вопросом ответил молодой бизнесмен.

– Вы не могли бы дать ключи прямо сейчас?

– Да, пожалуйста, они при мне. – Достал из кармана связку и, отцепив массивный ключ, протянул Петру.

Тут же, ни слова не говоря, посетители вышли из кабинета и, спустившись по лестнице, покинули особняк. Прodelав обратный путь, остановились у дороги. Петр, обратив внимание на недовольство Вовы, заметил:

– Узнать хочешь, почему не наказали? Так вот, за нас постарались.

В этот момент грохнуло, и над местом, где находился особняк, всплыло жирное облако черного густого дыма. Мальчонка улыбнулся.

– Справедливость восстановлена!

Петр, задумчиво наблюдая за игрой пламени, с сожалением произнес: – Это люди ограничиваются наказанием исполнителей, а для нас главный тот, кто позволил свершиться злодейству. В данном случае, кто деньги взял и в начальники человечка назначил. Он и есть источник несчастья. Думаю, здесь нам делать нечего, пора в обретенный дом пожаловать.

Квартира явно готовилась для нужд «новых русских». Наборный паркет из различных ценных пород дерева украшал полы царственных палат. Хитрющие обои меняли рисунок, создавая стереоскопический эффект. Все сверкало и светилось сытой начинкой. Даже туалет поражал вычурным убранством. Стоя у порога, Петр обернулся к мальчику:

– Ну, что скажешь, Вова, узнаешь родительский дом?

– На золотом толчке в угаре бьется старый домовый. Но ни богатство, ни напор не победят его запор, – грустно продекламировал парнишка.

– Мудро, – подытожил старший и по-хозяйски вошел в квартиру.

Вова, покрутившись по дому, не находя себе занятия, заявил Петру:

– Вообще-то у меня тут дружков предостаточно, необходимо навестить товарищей. – Так ступай, никто не держит. Только без глупостей, – отозвался молодой человек.

– Ну как Вы могли подумать, командир. Чай, не маленький, – уже от дверей прокричал Вова.

Хлопнула дверь, и в квартире воцарилась тишина. Петр подошел к креслу и, удобно расположившись, расслабленно замер. С темнотой раздался звонок в дверь. И затем в квартиру, странно покачиваясь, вошел Вова, обвязанный поверх рубашки куском оранжевой ткани. Не ожидая расспросов, безапелляционно заявил:

– Мне, по случаю, удалось в кришнаиты записаться, – и, закатив глаза, пискляво запел: – Хари Кришна Хари, Хари.

– Это что еще такое? – насторожился Петр.

Вова торжественно возвестил:

– Не пью, не ем и нет проблем.

– Хорошее учение, – согласился старший, – не мешало бы в морге на дверях повесить.

– Вот так всегда, – завыл малец, – ущемляете личность в выборе веры.

– Да уймись ты, без тебя придурков хватает. Давай-ка лучше закончим с предшественником, успокоим невинную душу, обещали.

Мальчик, сразу скинув с себя дурашливый вид, с серьезностью расположился на диване напротив Петра. Оба, закрыв глаза, расслабленно обмякли и погрузились в молчаливое оцепенение.

Уже долгие два часа продолжалось заседание правительства Москвы. Дважды выступал мэр, но вопросов не уменьшалось, ибо дело касалось приватизации. И хотя иностранным словом обозвали обычный способ воровства, ясности в этом вопросе так и не наступало. Префекты, с пеной у рта, доказывали свои права на тот или иной объект. Хотя всем было понятно – битва идет только вокруг стоимости и методов умыкания. Мэр, все понимая, устало вынужден был соглашаться, кидая очередной кусок ненасытной стае. Следующий, поднявшись, приготовился вещать, но, неожиданно выпучив глаза, захрипел и повалился на пол. Радужные круги,

сжимаясь, пульсировали, увеличиваясь в окружности, вспыхнув, рассыпались снежными звездочками. Темный занавес, бледнея, исчез, и мрак, растаяв, открыл необыкновенную поляну. Вокруг с нежностью шумели деревья, переливаясь всеми цветами радуги. Шелест листьев тихим журчанием сливался с шепотом небесной музыки. С блаженством взирал он на чудесную рощу и в неясности крон уже стал различать плавные тени некогда живших на земле. С интересом хотел он найти в обитателях райских кущ своих прародителей. В гигантской березе прямо перед ним сердечным позывом угадал свое родовое дерево и со слезами узнавал среди ветвей вечности запечатленные образы почивших родителей, бабушек, дедушек. И радостью за обретенный покой наполнялось сердце. Но вечную тишину разорвала чья-то речь. На поляну вышли двое: молодой мужчина и с ним мальчишка, с топорами на плечах. Подойдя к березе, остановились, и мальчонка нагло заявил:

– В десять обхватов будет, работы невпроворот. Видать, род древний.

Мужчина, догадавшись, что они задумали, в страшном предчувствии истошно закричал, попытался броситься к ним и остановить, понимая, что они в состоянии закончить род, срубив генеалогическое дерево в райском саду. Но незримой волей сковало его движение, и он молчаливой статуей в ужасе застыл на месте. А мальчонка, по-мужицки поплевав на руки, обратился к старшему:

– Мы свой, мы новый мир построим, за топор берясь рукой, молвил лысый домовой. Приступим помаленьку.

Удары, как по живому, неестественно разрывали тишину векового леса...

Врач, склонившийся над больным, облегченно вздохнул:

– Кажется, пришел в себя. Напугали вы нас своим сердечным спазмом. Переутомились, необходимо отдыхать, а то кардиограмму сделали – нормальная, а вы все в беспамятстве. Непорядок.

Мужчина, поднявшись с кушетки, сумрачно буркнул:

– Так это просто от усталости, доктор?

– Да, милейший, обычный бытовой обморок. Отдохните дня два, больше воздуха и меньше волнений, и все будет в порядке.

Мужчина, поблагодарив, вышел. Пройдя вдоль коридора, зашел в приемную, попросил у секретарши бумагу и, пристроившись в уголке, принялся нервно писать, закусив губу почти до крови.

На заседании выступал один из последних ораторов, рассказывая о сложности замены труб меньшего диаметра на больший, когда в зал, на цыпочках, пытаясь не мешать, вошла женщина. По стеночке добравшись до мэра, положила перед ним стопку бумаг и так же незаметно покинула зал. Тот сначала с раздражением взял один листок, но, вчитываясь, уже с интересом быстро осилил все. Затем извинился и, сославшись на срочное дело, покинул собрание. В приемной застав мужчину, попросил пройти с ним в кабинет и, убедившись, что они одни, взволнованно заговорил:

– Соображаешь, Виктор Семеныч, какие бумаги написал?! Да с такими откровениями тебя в тюрьму не примут. Смотри: признаешь, что за время работы получил от разных лиц около трех миллионов долларов, и перечисляешь, за что: назначал на должности, позволял преступно приватизировать предприятия на территории района, принимал участие в создании ряда фирм, проводя через них муниципальную собственность, и все с фамилиями. Счета указаны, банки, где деньги находятся. Может, ты при обмороке головой ударился? Понимаешь, ведь это скандал на всю Россию! И что прикажешь с тобой делать?

Мужчина молча кивнул и обреченно попросил:

– Требую со всей серьезностью отнестись к моему заявлению. Обязуюсь в ближайшее время вернуть родине все украденное мной. И не пытайтесь объявить меня сумасшедшим. – И уже сквозь слезы проронил: – Мои все умрут. Пришлось увидеть своими глазами, все награв-

ленное у страны кровью отзовется. Видно, правда в Библии написана: всякое древо, не приносящее доброго плода, срубается и бросается в огонь.

Мэр молча покинул кабинет, оставив мужчину, плачущего навзрыд...

Петр, первым открыв глаза, укоризненно заметил умиленно мигающему

Вове:

– Серьезным делом занимаемся, мог бы и без стишков обойтись.

Мальчик, встав в позу, горько заметил:

– Писать поэту запретить, что птице в небо не летать.

– Среди пернатых и страусы и индюки имеются, – огрызнулся старший.

– Не надо грязи, – обиженно парировал Вова, – ты лучше скажи, чем дальше займемся.

– Завтра утром поедем в город Смоленск. Будем искать деревню Дрыново, – пояснил

Петр.

– Это зачем? – упорно допытывался Вова.

Петр, удивленно посмотрев на мальчика, сердито добавил:

– Ну обнаглел. Твое дело исполнять. Забыл, зачем сюда прибыл?

Вова обиженно отвернулся и примирительно проговорил:

– Да будет Вам, дядя, ругаться. Ну просто беда, в натуре.

Почти девять часов добирался автобус до старинного русского города. С первых минут пути все внимание пассажиров было приковано к мальчонке, сидевшему вместе с плечистым молодым человеком на задних сидениях. Пацаненок пел, читал стихи, пытался в проходе сплясать что-то вроде рэпа, в итоге, заведя публику, предложил играть в города. И до самой конечной станции взрослые, напрягаясь, вспоминали географию России. Прощались все, будто родственники, особо желая счастья и здоровья мальчику Вове и его старшему брату Петру. Последним удалось поймать попутку, и через полтора часа езды по ухабам и выбоинам они были высажены на окраине полуразвалившейся деревни с милым названием Дрыново. Мальчик, удивленно оглядев постройки, спросил у Петра:

– Это чего, декорации к фильму про оккупацию?

Старший, поморщившись, нехотя ответил:

– Эскиз будущей России, начертанный рукой завоевателя. Этот пейзаж на открытку снять, да отправить всем правителям с поздравлением за славный итог реформ на святой земле. Ладно, пойдём, им еще за все откликнется. Скоро время придет, чертей на место ставить будут.

Парочка зашагала по улице, минуя колдобины и огромные лужи жидкой грязи, вдоль покосившихся заборов и полуразвалившихся хат, с пустыми провалами окон и осевшими крышами. Из подворотен повылезали облезлые старые псы и молча сопровождали приезжих.

Вышли в центр деревни к единственному двухэтажному зданию, выполнявшему все функции социального обслуживания села. Это была школа, магазин и сельсовет. У крыльца пожилая женщина пыталась вытащить из грязи тележку с мешком нащипанной травы. Петр, обойдя лужу, ловко подхватил странное средство передвижения за колесо и рывком выдернул из хляби дорожной.

– Спасибо сынок, выручил, а то уж отчаялась. Вот беда, так недолго самой утонуть, – печально сообщила бабка.

– А жителей почто не видать? – важно просипел мальчик. – Ой миленький. Да нас тут три старухи, два хрыча, вот и весь совхоз «Путь Ильича», – смеясь беззубым ртом, пошутила старушка.

– Дед Данила где обитает, не подскажете? – вежливо вступил в разговор Петр. – Ой, вы небось сродники, – всплеснула руками бабка. – Слава Богу, а то он третьего дня домовину возводить решил. Все, говорит, срок пришел. Надо бы проведать, что-то не видать деда, – забеспокоилась старушка. И показав рукой на самый дальний домик почти у леса, добавила: – Вон его берлога. Сколь себя помню, там и обитает.

Поблагодарив, парочка продолжила свой путь.

Постучав в дверь хаты и не дождавшись ответа, Петр решительно вошел в комнату. В центре, на столе, стоял новый гроб из струганых сосновых досок, источая запах смолистого дерева. В нем, аккуратно одетый в чистую косоворотку, лежал благообразный худой старик со скрещенными на груди руками. Образок и крест стояли в голове покойного, придавая некоторую торжественность скорбной картине. Вова, всхлипывая, подошел к почившему и, погладив по седым волосам, горько проронил:

– Преставился дедушка.

Совсем по-другому повел себя Петр. Приподняв руками голову усопшего, тихо пошептал ему на ухо и легонько потряс. После чего, отойдя, спокойно присел на лавку. Вова, расположившись рядом, с нетерпением ожидал дальнейших событий. Не прошло и пяти минут, как дед, глубоко вдохнув, неожиданно потянулся и, открыв глаза, сел в гробу, удивленно оглядываясь по сторонам. Заметив притихших зрителей, внимательно посмотрел на них и разочарованно хмыкнул:

– Так и думал, чертям понадобился.

– Ну нет, товарищ, давайте разберемся. К этому хитрому племени меня никак причислить невозможно, – возмущенно вскочив, закричал Вова.

– Наверное, Вам стоит познакомиться, – холодно предложил Петр, попридержав мальчишку за плечо. – Прошу, – вечный демон озорства. Дети величают просто Бобо. Он все что угодно, но не чертенок, ибо никогда не наполнены его поступки расчетливой злобой. Скорей он улыбка Бога, один из немногих кто в состоянии отличить обычную шалость от злого умысла. Ну, а теперь, Вова, позволь представить старшего товарища. Предшественник современного хранителя Руси – древний славянский властитель Перун повелитель грозы и воин. А теперь самое важное: для чего мы здесь и какую миссию. предстоит нам исполнить. Для этого необходимо вспомнить главное – тьма также разделена. Зло и образ зла – разные понятия. Состояние неопределенного зла – это разрушение всего, свертывание мира до возврата в энтропию. Совершенно другого добивается определенный образ – он стремится построить иерархию, пользуясь энергией поработанных народов. Поэтому единственное, чем черт не шутит – нарушение субординации. Солдат не может стать генералом, минуя промежуточные звания. Простой бесенок не вправе повелевать демонами. И когда нарушен этот принцип, само зло координирует систему, проводя чистку собственных рядов. Вот мы и посланы определить степень падения, да не допустить, под шумок, чтобы казнили невинных.

– Ну, что ж, – отозвался задумчиво дед, – дело хорошее. Токмо мне последнюю волю усопшего полагается исполнить. А мечтал он восстановить справедливость. Тут деньги для подъема села выделили, и подрядилось одно АО-ого-го дорогу провести, дома подправить, да помочь перебраться беженцам, из ближнего зарубежья гонимым. Средства получили да скрылись, поганцы. Много горя принесли сиротам бездомным. В Москве бесенята обитают.

– Надо, значит, поможем, – согласился Петр.

– А ты, отрок, – попросил Данила, – поищи у печки телогрейку, зябко мне, право.

Вова вышел в прихожую, удивленно бубня:

– На улице двадцать градусов, ему, видите ли, зябко.

Отъезд вылился в длительную церемонию. Данила степенно обошел всех оставшихся жителей деревни, уважительно прощаясь.

В Москву прибыли без приключений, и сразу же отвезли деда в салон, уговорив его сделать модную стрижку и укоротить бороду. Пока мастера ножниц придавали цивилизный вид внешности сельского жителя, Петр успел съездить в магазин и закупить все необходимое для обновленного Данилы. И когда на улицу вышла славная тройца, все взгляды прохожих приковывал чудный вид необычного старика. Несмотря на жару, он был одет в длинное кашемировое пальто, твидовые брюки и шелковую рубашку, ало-красный шарф небрежно обвивал шею,

а аккуратно уложенные седые волосы и короткая бородка двухнедельной щетины в сочетании с бледным лицом заставляли женщин подолгу задерживать на нем свои взгляды. На замечание Вовы: «На хрена пальто в Африке», Данила коротко и мудро ответил: «Мерзну». Чем окончательно убедил мальчика.

По приезде домой каждый занялся собственным делом. Мальчонка отправился гулять, дед уселся смотреть телевизор, а Петр углубился в изучение справочника «Вся Москва», пытаясь отыскать адрес так нужного всем акционерного общества. Но полностью сосредоточиться на этой процедуре ему никак не позволял дед Данила, переключавший пультом программы. Видя очередного героя телеэкрана или развязного ведущего, громко восклицал:

– О, Господи, да здесь же одни дасу русичей пугают. – А когда Петр заинтересовался, кто это, обстоятельно пояснил: – Это мелкие демоны неславянских племен. Ты пойми, у нас своих чертенят хватало. И окоемы, и злыдни, и шишиги, но каждый место знал. Один в лесу пугал, другой – в подвале таился, понятно, что нечисть, но все ж своя, родная, славянская. Так, по мелочи пакостили. Но чтоб в учителя лезть, такого не бывало. А эти откуда? Глаза выпученные, кривые, слова с трудом произносятся. Это кто же позволил? Чтоб черт мразь в глашатаи возвел, не поверю.

Петр мрачно ухмыльнулся:

– Проглядел князь, и у него, видать, кухарки править стали. Только высшие иерархи долго свалку терпеть не будут. Такое уже бывало во время французской революции, но гильотина быстро чистоту навела. Вот не убедим Бога, что не совсем погиб народ русский, не спился, да не скурвился, в жлоба местечкового не превратился, позволит Он темному князю свой метод применить. И поверь мне, в момент все произойдет.

И тем, кто из грязи в князи, не позавидую. Дед молча выслушав, подумал, а затем печально согласился:

– Сам знаю.

Неожиданно беседу прервал влетевший в квартиру Вова, а вслед за ним проследовала крупная женщина в невероятных по размеру брюках, обтягивающих грандиозные бедра. С порога она открыла рот, и на ничего не понимающих обитателей квартиры обрушился злобный громовой бас:

– Ваш дерьмовый мальчишка нашу собачку покалечил. И нанес травму моему сыну Яше. Требую возмещения убытков, или буду вынуждена обратиться в карательные органы.

Вова восторженно взирал на грандиозную даму, умиленно внимая громоподобному монологу. Дед Данила покачал головой и спокойно прервал гостью:

– Не успели вспомнить, кикимора явилась. Замолчи, глыба.

Женщина, поперхнувшись, застыла истуканом, жутко выпучив глаза и вывалив язык.

– Ну, что ты там натворил, отрок? – спросил Петр.

– Ничего особенного, – не спуская восхищенного взгляда с нелепой статуи, отозвался мальчик. – Ейный сынок толстенный на детской площадке резвился, напуская собаку свою злющую – бультерьера на детей играющих. Ну, и взял пса ихнего за хвост да огрел отпрыска питанного. Всех дел-то, – закончил рассказ Вова.

– Да, нехорошо животных мучить. Надо было сразу голову оторвать, – серьезно посоветовал дед.

– Полностью с вами согласен. Учту в дальнейшем, исправлюсь, – виновато прошептал мальчик и обиженно зашмыгал носом.

– Ладно, будет тебе, – пожалел парнишку Петр, – А ты, тетка, слушай, до конца дней своих шепотом говорить с людьми будешь. Ну, а сынка пришибленного пес одуревший покусать успел, так что, думаю, уколы от бешенства в брюхо ему в самый раз. Ступай.

Женщина очнулась и очумело покинула квартиру. Оставшись наедине, дед по-отечески пожурил мальчонку:

– Ну и вкус у тебя к женской красоте.

– Да, – нахохлился Вова, – А может, она во мне дар поэтический пробудила? – И, вскинув руку, выпалил: – Ты к Зинке-кладовщице подкрадывайся тихо, и обхватив за тело, попробуй, подними. И влюбишься тот час же в ее монументальность. – Затем, сделав трагическую паузу, с ожиданием поинтересовался: – Ну как?

– Ну, что ж, не хуже нынешних. По телевизору один сегодня похлеще завывал.

– Да ладно, понимали бы в поэзии, – обиделся малец и проследовал на кухню.

Утром решили посетить офис коммерческой фирмы, необходимой деду. Совершенно спокойно им удалось достичь приемной, где их встретила вежливая секретарша. Внимательно выслушав, посоветовала зайти завтра для разговора с коммерческим директором. Ну, а сегодня никак нельзя, все руководство присутствует на правлении финансовой группы, куда входит и их акционерное общество. На вопрос, где проходит собрание, уклончиво ушла от ответа. Но после личной просьбы Петра, остекленев, монотонно выдала адрес. Примечательно, что глобальная встреча проходила в ресторане «Изумрудный» в центре Москвы. Именно туда направилась славная троица.

Попасть внутрь смогли без проблем, то ли помогла экстравагантная внешность, то ли произнесенное название банка, проводившего собрание. У входа в банкетный зал им попытались помешать двое охранников, но дед Данила цыкнул на них, и они, встав по стойке смирно, застыли с почтением.

Зал, убранный с сытой изысканностью, встретил мягкими тонами и приглушенным светом. В центре стоял стол, накрытый хрусталем и мельхиором. Экзотические блюда оттеняли великолепие посуды. Сидевшие восемь человек удивленно уставились на вошедших. Ни слова не говоря, те прошли к столу и, не спрашивая разрешения, удобно расположились в мягких креслах. Мальчик, внимательно оглядев присутствующих, выбрал, как ему показалось, самого главного – здоровенного парня с наглыми глазами и тупой ухмылкой на лице и принялся пристально гипнотизировать его взглядом. Дед, вообще отвернувшись от компании, стал громко объяснять Петру:

– Земельный банк дал ссуду в сто тысяч долларов, – провести газ, дорогу, построить новые дома, подправить старые, чтобы принять на жительство пятьдесят семей беженцев из Таджикистана, людей работающих, многодетных. И подрядилась все это сделать некая контора. Деньги взяла, а сама исчезла. Вот так, сынок, и спросить не с кого.

Удивление, вызванное появлением незнакомцев, видимо, прошло, потому что один из присутствующих – полноватый мужчина с обвисшими щеками, вскочил и злобно закричал:

– Это что, нас охрана подколола, пустив этих уродов? Кто отвечает за безопасность? – И уже обращаясь к незванным гостям, прошипел: – Эй, семейка Адамс, вы кто такие?

Один из сидевших за столом, худой, с южным профилем, нехотя выговаривая слова, прокомментировал:

– Может, это ходоки от той деревни, что ограбили? И кажется, припоминаю, не ты ли, Сеня, на эти деньги мерина шестисотого купил?

– Какая разница, на чьи. У меня мерседесов этих перебивало – не упомнишь, – огрызнулся полный. – Ладно, хватит, распорядитесь, пусть их выбросят отсюда.

Но никто не успел проявить инициативу, ибо в этот момент голос здоровенного парня привлек внимание всех. Видно, ему надоел жгучий взгляд мальчика, и он взорвался:

– Ты что, щегол, zenки тарачишь, давно не били? – И уже обращаясь к Петру с дедом, заревел: – Вы куда, лохи, ломитесь, правды захотели? Могу устроить по два метра на единицу. А ну, пошли вон!

В тяжелой паузе раздался нежный голос мальчика:

– Дед, интересно, как думаешь, смогу вот этому глаз на жопу натянуть? В натуре.

В гробовой тишине дед задумчиво разрешил:

– Попробуй, парень, ты талантливый, все-таки поэт.

Вова, ловко ухватив рукой за шею бугая, потянул его на себя, почти полностью перетащив тело на стол, затем правой страшно вытянул лицо, пригнув голову к мускулистому заду, и вытирая руки, посоветовал:

– Будешь книжки читать, штаны не забывай снимать, ботаник.

Все произошедшее повергло в шок присутствующих. Только гости равнодушно восприняли происшествие. А дед вообще со скучающим видом посоветовал:

– Неделю сроку даем все уворованное сдать. Недвижимость нуждающимся подарите и – валите с земли славной подальше. Лично прослежу.

Поднявшись, все трое покинули собрание застывших учредителей. На прощание Вова, показывая на кривого, с выражением воскликнул:

– Не спускает с бабы глаз, значит он не пидарас, – и восторженно добавив, – Гениально! – исчез за дверью.

Дома дед Данила тотчас включил телевизор и, закутав шею шарфом, поудобней расположился в кресле. Суета и производимый неугомонным мальчиком шум заставили его отреагировать.

– Ну, что ты все елозишь, не можешь успокоиться, непоседа? И потом, откуда у тебя такая жестокость, Вова?

Парень, прекратив возню, в задумчивости остановился.

– Этот вопрос так понимаю: домовой в доме шуршит, водяной в болотце булькает, лесовик в лесу хозяин, у каждого своя епархия, по делу и чин определен. И соваться со свинячьим рылом в колонный зал не позволено. Так что мне князь велел экзекуцию провести.

– Ага, – лукаво заметил дед, – а говорил, с чертом не знаешься.

Вова, качая головой, обиженно засопел:

– Не стыдно вам, взрослый человек, а туда же, врите ребенку... Сами дозволение дали, решили для наглядности молодому поколению поручить, а теперь укоряете. Все, не буду больше помогать. – И надувшись, отошел к окну, всем своим видом показывая глубочайшее возмущение.

Дед, переглянувшись с Петром, примирительно смягчил голос и ласково позвал мальчика:

– Ну, прости старика, Вова. А хочешь, пойдем на улицу, погуляем, может, если повезет, Анчутку тебе показать удастся?

Парень, тут же забыв обиду, оживленно засуетился:

– Данила, а это кто такая?

– О! – высокопарно промышчал дед, – создание экзотическое, помесь беса с уткой, типа русалки, только среди людей обитает. Загадочное создание.

– Пойдем быстрее, – заторопился мальчик. И, схватив пальто, принялся помогать одеться деду. Уже у самых дверей, обернувшись в сторону невозмутимого Петра, вскинув руку, почти пропел: «Светит месяц, светит ясный, светит полная луна, для вампира это праздник, он весело походкой в ночь выходит на прогулку». – И, в очередной раз похвалив себя: – Гениально! – бросился вдогонку за стариком.

Уже под утро вернулись охотники за чудесами. Насупленный и явно расстроенный дед молча проследовал к своему креслу. Зато не в меру веселый Вова тут же принялся объяснять Петру причину депрессии:

– Разве так можно гадость близко к сердцу принимать? Он как увидел количество нечисти на ночных улицах, так и померк в печали.

– Да ты пойми, олух, – грозно отозвался старик, – раньше этим злым дням только на кладбищах по ночам зевак пугать позволено было, а теперь они людьми управляют. Ой, лихо грядет на землю многострадальную.

Петр, не выдержав перебранки, вмешался:

– Да, Данила, постарел ты, видно. В недалеком прошлом с твоей помощью врагов громили, а теперь что же, утратил веру? Бесенят испугался. Да если дозvoлят, вмиг блеск наведем. А пока нам вот что велено. В трудную годину посылаются народу трибуны и вожди. И через кого проявится дух воина, никто до поры не знает. А явится такой, задача народа – сохранить спасителя. В этом и проявляется жизнеспособность этноса. Вождь и гений – это национальное достояние. Вот нам завтра и предстоит уберечь мыслителя, коль народ не в состоянии.

– А может, чем глобальным займемся? – подал реплику возбужденный мальчик.

Петр помолчал и, будто заглянув куда-то в потустороннее, обронил:

– Вы просьбы прежних хозяев, чьи места заняли, выполнили, а мне еще предстоит. А без этого ни к чему важному приступить не позволено.

Небольшой актовый зал Московского энергетического института был переполнен. Пришедшие на лекцию, в основной своей массе люди ученые, с огромным интересом слушали вещавшего со сцены оратора. Лишь некоторые, случайно попавшие на мероприятие, пытались выкриками превратить лекцию в диспут. Никто не обратил особого внимания на экстравагантную тройцу, появившуюся на собрании. Докладчик, видимо, обращаясь к оппонентам, эмоционально доказывал:

– Это не подвергается сомнению, вся история цивилизации показывает: слияние родовых, национальных и этносистем с территорией создает разумный энергопотенциал. Самый мощный духовный образ существует на территории России. С момента своего создания он смог победить и поглотить выдающиеся волевые проявления таких гигантов, как татаро-монголы, великое шведское государство, французскую империю Наполеона, устрашающий «тысячелетний» рейх Гитлера. Мы сохраняем все знания и всю мощь своих военных побед. А так как любой рожденный в России в состоянии подключиться к его информационному каналу, нам по силам создать новую систему государственного устройства. И поэтому мы являемся угрозой для небольшой кучки злодеев, стремящихся жить за счет других народов.

Из зала раздался шепелявый выкрик.

– Да Вы шовинист, это идея фашизма.

– Отнюдь нет, – спокойно отреагировал оратор, – Тенденция мирового развития показывает – возрождаются новые сверхдержавы. И Европа не исключение. Через десять-пятнадцать лет начнется битва за страны с сырьевыми запасами. Поэтому нас попытаются или завоевать или уничтожить.

Где-то в пятнадцатом ряду вскочил объемистый мужчина с выпученными глазами, явно не совсем трезвый, и завопил:

Россия для русских! – и сипато крякнув, с дури заревел: – Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих.

На него отовсюду зашикали, а человек на сцене улыбнулся и, уходя, бросил в зал:

– Русский – это не просто национальная принадлежность, а достоинство.

Покинув институт, он в задумчивости остановился у перекрестка. Именно в этот момент его окликнул молодой человек в сопровождении мальчика и старика, не по сезону одетого в дорогое кашемировое пальто.

– Александр Иванович, не будете так любезны уделить нам несколько минут?

– Мне кажется, мы не знакомы, – с неохотой отозвался ученый.

– Это вам только кажется, – весело приободрил мальчик и тут же таинственно добавил: – Нам про вас известно все.

Старик поморщился и укоризненно сделал замечание ребенку:

– Да не пугай товарища, Вова.

Молодой парень, подойдя поближе, успокоил растерянного мужчину:

– Попытаюсь коротко объяснить. Нам поступили сведения, что на вас сегодня вечером готовится покушение. Засаду организовали в подъезде. Если вас особо не затруднит, позвольте разобраться с этой ситуацией.

– Но почему? – только и смог произнести ошеломленный профессор.

– Мы думаем, потому, что вы в состоянии увидеть причины происходящего. Так что не переживайте и давайте проследуем к месту действия.

Александр Иванович, подавленно, но с неизвестно откуда взявшимся доверием согласился.

Дом полярников на Кутузовском проспекте – явление в архитектуре особое. Возведенный в награду за подвиг, помпезностью внутреннего устройства был неповторим. При входе в подъезд попадаешь в огромный холл, когда-то в старину устланный коврами дорожками. Путь до лифта наполнял жильцов гордостью за державу. В наше время ковров, правда, не существовало, да и стены были разрисованы надписями, демонстрирующими интеллектуальный уровень современной молодежи. Но пространства остались прежними. Именно сюда привел новых знакомых недавний лектор.

– Вот здесь мой дом, – обреченно проронил он, останавливаясь у входа.

– Друзья! Позвольте мне совершить подвиг, – с трагическим пафосом в голосе попросил мальчик. Удивительно, но взрослые тут же согласились.

Вова осторожно подкрался к подъезду и, тихонечко приоткрыв дверь заглянул внутрь. В холле стояла крошечная темнота, только у самого лифта, вдалеке, мерцал тусклый плафон запасного выхода. Мальчик некоторое время выжидал, а затем жалостливо запищал:

– Дойче зольдатен унд официрен, ниht шиссен, – после чего громовым голосом предупредил, – Ахтунг, ахтунг в небе Покрышкин, – и с криком: «Хенде хох, Гитлер капут» – бросился в неизвестность.

Заглушая топот, в темноте грохнули выстрелы, и кто-то метнулся по лестнице наверх. Мальчишка, выскочив из подъезда, азартно закричал:

– Он на крышу подался. Быстрее пойдёмте, а то полет прозеваем.

Все повернули за угол и, задрвав головы, внимательно уставились в небеса. Наверху загрохотало, и затем темная фигура, отделившись от стены, с пороссячим визгом пронеслась навстречу теплому асфальту. Раздался глухой удар, и двор погрузился в привычную вечернюю тишину.

– Вот и все, – удовлетворенно констатировал Вова и в предвкушении аплодисментов почтительно раскланялся.

Видно, только сейчас до Александра Ивановича дошло, что его спутники не совсем обычны. Совершенно потерянно он задал изумительно наивный вопрос:

– Вы инопланетяне?

– Странные вы, люди, – качая головой, заметил дед Данила. – Вам легче в неизведанное поверить, чем демонов рядом с собой почувствовать. – И удрученно махнув рукой, направился со двора.

Мальчик, потоптавшись на месте, неожиданно похвалил ученого:

– Ловко Вы на лекции про русских вставили. – И гордо выкрикнул: – И буренок молчаливый, и калмык великомудрый – вот основа государства, ибо любят они землю. – Не дождавшись от оторопелого слушателя ответной реакции, молча проследовал за дедом.

Петру пришлось слегка толкнуть Александра Ивановича, но и после этого тот толком не пришел в себя, с удивлением уставившись на попутчика.

Молодой парень, подхватив под руку спутника, почти насильно потащил за собой от дома, спокойно уговаривая:

– Вам еще не хватало в историю влипнуть, милейший.

В квартире, куда привел Петр находящегося в шоке мужчину застали сидящего в кресле перед телевизором деда и расположившегося у его ног мальчика. Гостя с трудом удалось усадить на диван и заставить выпить стакан воды. Заметив недовольную ухмылку на лице деда, Петр пояснил:

– Вот почему нельзя пугать человека явленной мощью потустороннего. Он цепенеет и превращается в животную, трепещущую и ни к чему не способную субстанцию, непригодную для наполнения любого ниспосланного образа.

Вова, не отрываясь от телевизора, коротко прокомментировал:

– Не будь этого, сатана одним своим появлением мир завоевал бы.

– Да, – согласился Петр, – и темному князю это не выгодно. Человек в состоянии страха выделяет энергию разложения, а с помощью этого неосознанное зло, сломав иерархию, заставляет собираться в анонимные стаи. Это опасно для любой разумной формации.

С кресла скрипуче послышалось:

– Но почему тогда не хочет явиться перед людьми Бог во всем своем величии?

– Вы должны понять принцип добра, а не гордиться им. Покоренные могуществом не в состоянии быть равными и любить искренне, – не оборачиваясь, отреагировал Петр и, усевшись напротив пришедшего в себя Александра Ивановича, снисходительно разрешил: – Можете задать нам интересующие Вас вопросы.

Сидящий напротив нервно заерзал, по очереди оглядывая необычных хозяев. Облизнув пересохшие губы, неожиданно выпалил:

– А почему дедушка в пальто сидит, на улице жара?

Тут же в три голоса раздалось:

– Мерзнет.

И затем уже Петр поинтересовался:

– Умней в голову ничего не приходит?

– Так кто вы? – совсем тихо переспросил гость

– Да какая разница, – возмутился дед, – Ты лучше про Россию слушай. Вот что праотцы говорили. Нельзя дать врагам себя охомутать, чтобы они возом правили, а мы телегу везли. Никто не хочет, чтобы чужие им владели по своему произволу. А спросят – где Родина ваша? Отвечай – там, где русская кровь лилась на землю, и та пила кровь нашу. На нее надейтесь. И вы будете защищать ее во все дни, а она вас. И меньше, молодец, о себе думай, пришло время о ней позаботиться. – И будто потеряв интерес к беседе, попросил Вову. – Проводи, отрок, гостя, пора ему, улеглось происшествие.

Александр Иванович молча вышел, и квартиру охватил покой молчания.

Утром Вова спозаранку умчался во двор. Дед Данила принялся просматривать телевизионные программы, а Петр, сидя в кресле, явно погрузился в созерцание неведомого. Тишину семейного уюта иногда нарушал прибегающий мальчик с какими-то дурными проектами. В очередной его приход, старик не выдержав, сделал замечание:

– Что ты все как блоха скачешь?

На что Вова отозвался монологом:

– Блоха живет с насюка, чесаться заставляет. Ты вникни, может, этим спасает нас от лени.

В другой раз он приволок с собой долговязого детину и заявил, что они вступили в Гринпис, и им нужны деньги для переноса помойки в соседний двор.

На это вымогательство дед вообще ничего не ответил, но вот друг Вовы его явно заинтриговал. Показав пальцем на серьгу в ухе, участливо спросил:

– Тебе что, милый, яйца мешают?

Смущенный парень, пожав плечами, буркнул:

– Да нет, с чего вы взяли, дедушка?

– А ты что, правда не знаешь, для чего мужики уши прокалывали? – И не дождавшись ответа, принялся за рассказ. – Это когда Чингисхан Китай покорил, заметил у монахов-ламаистов серьги в ушах, ну и интересно ему стало Призвал советников, приказал объяснить. И поведали ему: коль не в состоянии монах с искушением плоти справиться, колют дырки в ушах, убивая этим желание и гася ярость. Мягче делался нрав и женственной образ. И повелел великий монгол своим безумно агрессивным воинам колоть уши и носить серьгу, дабы меж собой не дрались.

Мальчик шмелем вылетел из квартиры, на ходу выдергивая серьгу из уха. Дед, поморщившись, назидательно заметил Вове:

– Вот беда-то, совсем молодняк запутали. Как же бесам охота извести людей под корень, от земли оторвать разума лишить. – Немного помолчав, спросил Петра: – Скоро ли мы убиенной души желание выполним?

– Думаю, пора начинать, – поднимаясь из кресла, заявил молодой человек.

Недолго собираясь, вскоре приехали на вокзал, без проблем купили билеты до Брянска и на ближайшем поезде покинули первопрестольную.

По прибытии, следуя за уверенным Петром, подрядили частника отвезти за сто километров в поселок Дивногорск. По дороге хозяин машины пытался завязать разговор, рассказал пару матерных анекдотов. Но после того как мальчик серьезно, с выражением предупредил: «Нажимая на педаль, крутит руль водила, не заметил впереди столб бетонный на пути. Поднимая с земли ухо, не доволен санитар», – испуганно замолчал и с большим вниманием принялся рулить.

Через некоторое время, свернув с трассы на асфальтированную проселочную дорогу, подъехали к шлагбауму. Из небольшой, аккуратной будки появились трое. Один в милицейской форме, двое других гражданские но с красными повязками на рукавах. Милиционер, представившись, попросил документы у водителя, и, сверив номера, вежливо вернул. А на недовольное замечание деда: «Делать нечего, людей тревожить», – терпеливо разъяснил:

– Жители Дивногорска организовали коллективное товарищество, выбрали органы управления во главе с городским головой. Все прилегающие угодья поделены на пай и взяты в аренду. Городская земля и пригороды внесены в фонд созданного акционерного общества закрытого типа. В утвержденном на общем собрании уставе предписывается организовать службу охраны, наблюдающую за порядком. Все одобрено властями, и подобная деятельность не нарушает законодательство.

Петр, неожиданно для всех улыбнувшись, объявил, что всей компанией направляются к Марии Ивановне Головановой, с сыном которой вместе служили в армии. В случае его гибели он, Петр, обещал провести родственников. Сообщение вызвало оживление у молчаливых помощников милиционера. Посовещавшись, один из них уважительно напросился сопроводить их в Дивногорск, пообещав содействовать в устройстве в гостиницу и проводить, как он выразился, к семье героя.

У первых же улиц пришлось покинуть машину. Как выяснилось, в центр проезд автотранспорта запрещен, а необходимый груз доставляют на грузовых троллейбусах. Дивногорск утопал в зелени и поражал своей необыкновенной чистотой. Множество клумб, ковер ромашек вдоль тротуара несказанно удивили деда Данилу. За все время пути впервые его сумрачное лицо потеплело, разгладилось улыбкой. Он пораженно крутил головой, разглядывая добротные домики с нарядными верандами, растущие сосны и березы с порхающими птицами на ветвях. Перейдя по мосту небольшую речушку, попали в рошу с современными коттеджами среди деревьев. Проводник помог оформиться в гостиницу, пожелал хорошего отдыха.

Не успели гости остаться одни, как тут же дед Данила принялся допытываться у Петра, что это за необычное место.

– Мы куда вообще попали? Здесь печали нет. Таким благодным спокойствием все пропитано. Вы, командир, случайно адресом не ошиблись?

Петр, пытаясь развеять сомнения, сам несколько неуверенно принялся объяснять:

– Еще в армии безвинно убиенный Петр обещал другу после службы к нему жить направиться, только об этом и мечтал, все расспрашивал про место дивное. Да не пришлось, сложили головы на войне. А мне поручение передали – если какая беда, спасти мечту. Вот поэтому ждать пришлось.

Вова, всерьез озабоченный, спросил, а что им грозит опасность.

Подозреваю, что так, – ответил Петр. – И страшная. Но об этом позже, сейчас предлагаю прогуляться.

Слух о прибытии сослуживца погибшего земляка, видно, уже облетел поселок. Встречные прохожие почтительно здоровались с гуляющими гостями, каждый пытался помочь найти нужный адрес. Их подвели к новому кирпичному дому с чудной полянкой и резной деревянной беседкой среди кустов акации. И не успели они открыть калитку, как навстречу от крыльца поспешила стройная женщина с прекрасными русыми волосами в льняном сарафане. Сходу обняв Петра, прильнула к его груди и, всхлипывая, запричитала:

– Слава Богу, Петенька, живой. А мне про тебя Витенька столько писал, ты для него как брат родной был. – И спохватившись, смахнув рукой слезы, заохала: – Вот неразумная, сразу о горе. Вы уж меня извините, гости дорогие, прошу в дом. Ой, прости, Петенька, родителю твоему не представилась, – и протянув руку деду Даниле, назвалась: – Будем здоровы. Мария Ивановна.

Старик улыбнулся, пожимая теплую ладонь.

...Стол накрыли на веранде, многие приглашенные, поминая сына хозяйки, старались тактично не касаться его гибели, пытаясь не причинять душевную боль матери. А Мария Ивановна, сидя рядом с Петром, тихонечко рассказывала о каждом посетителе. Деда Данилу поразило большое количество учителей и воспитателей. Он удивился еще больше, узнав, что в центре поселка расположен интернат, в котором готовят детей с яслей до зрелости, давая образование по многим специальностям. Это своего рода целый комплекс учебных заведений, включающий в себя и детский дом, и школу, некая смесь Суворовского училища и гимназии. Упорный Данила скрупулезно допытывался, кому же пришла в голову мысль о создании подобного поселения. Ему с гордостью сообщили, что у истоков всего стоит Порфирий Кондратьев и его пять сыновей. В начале времен разграбления России он убедил жителей в правоте своей идеи. Навел порядок, каждому дело нашлось: одни кружево вяжут, другие картошку растят. Заинтригованный Петр изъявил желание встретиться с городским головой. Сопровождаемый Марией Ивановной и своими неразлучными спутниками, направился в управу. По дороге остановились на центральной площади, где Мария Ивановна, гордо указав на бронзовый бюст, спросила Петра:

– Узнаешь Витеньку? Общество увековечило. Да и дом новый тоже всем миром поставили.

Молча постояли у памятника и только собрались уходить, как к бюсту подошел старик в прожженной телогрейке и ватных штанах, хрипло бросив: «Здорово, Мария», он положил к подножию букетик полевых цветов, закашлявшись пересек площадь и скрылся в переулке.

Вова проводил взглядом странного прохожего и, показывая на него рукой, прошептал:

– А это кто?

Женщина улыбнулась:

– Пахомыч. Он немного с приветом. Утверждает, будто Родину враги захватили оттого и подался в партизаны. Еще с Великой Отечественной тропы тайные помнит. Так и живет в лесу, новых русских пугает.

– Вот это да! – восхищенно похвалил Вова и остаток дороги шел молча. Только подойдя к крыльцу административного здания, заскочил вперед всех на ступени и, повернувшись лицом к взрослому, вскинув руку, громко прочитал:

– Обокрали россиян, стал Пахомыч партизан, не прорвутся демоноросы, встретят их штыки да косы, – и сделав глубокомысленную паузу, как всегда похвалил: – Гениально. – Заметив удивленный взгляд женщины, небрежно бросил: «Прошу пардона, осенило. Великая сила – поэзия». – И уверенно открыв дверь, первым вошел в здание.

В добротном, без всяких модных причиндалов, кабинете посетителей встретил плотный немолодой мужчина. Поговорив немного о погоде, неожиданно резко спросил Петра:

– Ну что, воин, надумал с переездом? Мне твой друг Витька писал о твоём желании. Дом мы тебе выделим, работу найдем, без дела не останешься. Парень ты, видать, положительный, куролесить с дури не будешь. Да и потом, так понимаю, посвящен в главное – для чего все затеяли. Небось, знаешь, тут пытаемся растить будущую опору государства. Нам в этом и монастырь отреставрированный помогает. Так что думай, тебе решать.

Петр, спокойно выслушав предложение и немного помолчав, попросил:

– Мы не могли бы пообщаться с вами наедине?

Хозяин кабинета удивленно буркнул: «Пожалуйста», – и вышел в коридор.

Пройдя на крыльцо, Петр принялся говорить, стараясь убедить в серьезности сказанного:

– Нам стало известно, что против Дивногорска готовится грандиозная провокация. Спланирована катастрофа вагона с радиоактивными отходами на станции в 30 километрах отсюда, после чего в радиусе 100 км будет эвакуировано все население, а зараженная территория объявлена особой зоной. Бесы уже давно знают о вашем, как вам кажется, тайном эксперименте. Где вы видели, чтобы оккупанты позволили воспитывать патриотов? – И, опережая вопросы слушателя, резко заявил: – Даже не пытайтесь узнать, откуда мне все известно, мы готовы помочь, а вы, в свою очередь, по строже следите, чтобы в доверие не вползли всякие усатые да горбылые носатые, а то копыт и хвостов не удосужитесь рассмотреть.

Городской голова долго молчал, а затем, видно, решившись, резко сказал:

– Верю, спасибо за помощь. Мы со своей стороны тоже кое-что предпримем. У нас и в газетах и в думе сторонники имеются.

На этом разговор закончился, они вернулись в кабинет. И, только провожая посетителей, мужчина, попридержав Петра за локоть, таинственно прошептал:

– А чего дед в пальто? Жара на улице. – И услышав в ответ: «Мерзнет», – растерянно застыл на месте.

...Только в московской квартире Петр соизволил объяснить некоторые подробности предстоящего дела. А на занудливые расспросы Вовы вежливо заявил.

– Не можем мы проявиться. Случись подобное, завтра половина обмороженных на тебя молиться будет. Ты от подобного энергопосыла взорвешься, как шарик. Чтобы выдержать, необходимо быть соединенным с более мощным полюсом. Мы не обладаем этими свойствами и не в состоянии явиться в полном величии. Этого не может сделать никто из иерархов без разрешения создателя. А ты все канючишь: давай разом хлопнем, огнем да мечом пройдемся. Весь секрет людей в том, что внешнее противодействие – зеркальное отражение внутренней борьбы. Так что, Вова, действовать мы будем как нам предписано, а вот когда выполним поручение, там посмотрим. Время-то наступило тревожное, неужто никто из мудрецов не обратил внимания на пророчество Апокалипсиса. Особенно это здесь, в России, легко расшифровать. Как там в Откровении Иоанна: «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом; иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный и чтобы победить. И когда Он снял вторую печать, я услышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир

с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. И когда Он снял третью печать, я услышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот конь желто-зеленый, и на нем всадник, которому имя „смерть“: и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертой частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными. И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» – Петр торжественно выдержал паузу и восторженно объявил: – Это поэзия Армагеддона, неужто на этой земле, где конь всегда Русь олицетворял, не насторожились? На Куликово поле Дмитрий Донской на белом коне выехал, ну а красного кто символом избрал, гадать не надо. Интересно, додумаются, в какое время на черном коне барыга в Россию въехал? Теперь осталось только смерть на многострадальную землю пустить.

Насупленный Данила мрачно проскрипел:

– Неужто обречена Россия?

– Эх ты, – ухмыльнулся Петр, – если так, нас зачем посылать? Великая империя грядет! Нам только помочь им чертей погонять. Ты думаешь на Руси не знали, откуда лиха ждать? Да они с давних времен сцены Страшного суда в православных храмах располагали на западных стенах. Так что бесам бал править недолго осталось.

Парадный вход коммерческого банка блистал бронзовыми перилами и тонированными стеклами витражей. Раннее утро свежестью ветерка и теплыми лучами восходящего солнца ласкало редких прохожих. По мраморным ступенькам прямо к самым дверям поднялся мальчонка лет двенадцати в шикарных кроссовках и широких джинсах. Встав напротив охранной видеокамеры, он долго и внимательно смотрел в глазок, при этом кривляясь и строя рожи. Затем, видно, ему это надоело, и он, нехотя подойдя к стене, расстегнул ширинку и принялся мочиться на полированное стекло. Реакции на подобный поступок пришлось ждать недолго. Распахнулась дверь, и оттуда стремительно вылетел накачанный охранник в сером костюме, громко крича на ходу:

– Ты что, скотина, делаешь?

На что паренек, не прекращая полезного занятия, гордо заявил:

– Исполняю свой гражданский долг. – Но схваченный за шиворот крепкой рукой плаксиво захныкал: – Не имеете права, это произвол. Демократия – это когда всем все что хочется.

Но мордovorот, не обращая внимания на грамотные аргументы, силой затащил ребенка внутрь помещения. Оттуда его препроводили к начальнику службы охраны, и тот, сидя за столом, сурово принялся допытываться, какими мотивами был продиктован дерзкий поступок. Но от плачущего мальчика удалось узнать только имя и номер домашнего телефона. Разгневанный стражник позвонил по указанному номеру и несколько надменно попросил кого-нибудь из взрослых приехать в банк, дабы уладить случившийся инцидент, и ожидая прибытия родственников, для проформы закатал звонкую оплеуху притихшему мальчонке. На что тот философски заметил:

– Ничего, ничего. Буянил бык на живодерне, кувалдой получив по яйцам. – На удивленный взгляд охранника, разведя руками, объяснил. – Поэзия.

Вскоре в комнате в сопровождении двух рельефных молодцов появились седой дед в кашемировом пальто и широкоплечий молодой парень. Не здороваясь, слету, начальник грубо принялся выговаривать, почему-то обращаясь только к старику:

– Ну что мне вам урок преподавать, как детей воспитывать? Или вы совсем оборзели?

Но дед неожиданно грозно прервал фразой:

– Заткнись, харя. – И уже, не обращая внимания на застывшего с перекошенным ртом начальника, участливо пожалел мальчика. – Вова, он тебя не обижал? – И заметив, как двое сопровождающих рванулись в их сторону, простым предупреждающим жестом остановил их порыв И те, будто натолкнувшись на вязкую стену, вяло шевелясь, замерли.

Вова обиженно прошел в центр комнаты и гордо заявил:

– Прощу позволить мне смешать их с грязью.

Данила, поморщившись, попросил:

– Такую слякоть разведешь, потом не отмоемся.

– Хорошо, – подумав, согласился мальчик. – Тогда разрешите наказать его недержанием.

Пусть в любом обществе воздух портит и воду внутри себя не задерживает.

– Вот это пожалуйста, – удовлетворенноотреагировал дед. – Кара справедливая, гуманная.

Петр, не принимавший участия в развлечении, напомнил о своем присутствии:

– Мы не для этого здесь. В этом здании хранится то, ради чего бесы сюда прибыли – деньги. И думаю, следует знак оставить, по нему они нас искать начнут.

Указательным пальцем не стене изобразил разорванный символ бесконечности. Не прощаясь, удивительная компания покинула помещение, а пришедшие в себя охранники изумленно уставились на горящую ярким светом начертанную во всю стену восьмерку. Необычное событие взволновало сотрудников банка, все испуганно перешептывались, обсуждая посетителей. Управляющие сели на телефоны и судорожно принялись обзванивать покровителей, объясняя происшествие.

А прибывшие домой участники конфликта по обыкновению занялись каждый своим делом. Дед телевизором, переживая и плюясь от гадливости непотребного зрелища, Петр погрузился в задумчивое небытие, ну а Вова, как всегда, отправился на прогулку.

Вернулся он под вечер, притащив огромного черного кота. Выволок его в центр комнаты и, подождав, пока поступок привлечет внимание остальных обитателей квартиры, громогласно заявил:

– Это Пятачок, мой четвероногий друг. – А на удивленный вопрос старика: «И на кой ляд он нам нужен?», мудро объяснил: – Кот свинье не товарищ.

Дед, подумав, мотнул головой.

– Ты смотри, опять верно. – И отвернувшись, уперся в телевизор, потеряв всякий интерес к хищному животному.

Петр, как всегда, равнодушноотреагировал на очередную выходку мальчика. Правда, при этом заметил:

– В проделки свои невинное создание затягивать не смей.

– Что Вы, дяденька, как можно, в такую грязь да без разрешения. – Рассеял сомнения старшего товарища юнец.

Около полуночи что-то стало меняться внутри квартиры. То неожиданно сгусток темноты появлялся в углу комнаты, то неясная тень, медленно выступая из стены, ненадолго застывала, затем, ломаясь, пропадала из виду. Петра несколько обрадовала подобная чертовщина. Попросив деда Данилу выключить телевизор и позвав из другой комнаты мальчика, он удовлетворенно изрек:

– Поздравляю, они клюнули. А ведь как удивятся, заметив, что нарвались.

В следующее мгновение полумрак вспыхнул, и все очутились в зыбком мираже иного плана существования. Вова, изменившись, превратился в златокудрого мальчика с тончайшими полупрозрачными крыльями за спиной, с луком в руках и небольшим мечом за поясом, только не по-детски суровые глаза ломали иллюзию образа купидона. Воинственным монументом могущества предстал Петр. Закутанный в красный плащ, сверкая огненным взглядом, он поражал величием наказания. Преобразившийся дед возник скифским воином, в доспехах

и шкурах, с включенной седой бородой и копьём в руках. По его желанию тонкая дымка растаяла открыв бескрайнюю степь с колышущимся ковылем, подобно волнам в океане. Возникшее перед ними черное косматое облако опало, открыв стоявших напротив двоих коряво-уродливых, с лохматыми волосами и оттопыренными ушами карликов. Те, заметив грозных воителей, принялись махать руками, по-видимому, пытаясь скрыться. Но громоподобный голос Петра: «Приказываю представиться!», – поверг их на землю. Что-то невнятно бормоча, они застыли у ног иерархов. Обращаясь к древнему воину. Петр удрученно заметил:

– Так и предполагал, ведь это мразь – и не темное и не светлое, просто тень, которую отбрасывает свет и не в состоянии видеть темнота. Именно эта никчемная серость способна прилепиться к добру, не будучи замеченной злом. Иерархически не имеет ранга, но способна существовать за счет энергии народа, среди которого обитает, переводя любой духовный посыл в собственную выгоду. Еще наглость имеет в правители лезть и Русь грабить. Да с вами бороться легче легкого, заставив самих уничтожать себе подобных. Вот это и есть неопределенное зло – сущность, стремящаяся жить одним днем, не думая о будущем и не вспоминая прошлое, подчиняя все собственному удовольствию. Что, не ожидали, не знали, что любая встреча в физическом мире сначала происходит в духе, где иерархически устанавливается подчиненность? И не успел Петр закончить назидание, как из-за спины притихшего мальчика выскочил черный кот. В прыжке он метнулся к валяющимся в пыли карликам. В полете, увеличившись до невероятных размеров, обрушился на несчастных гигантским тигром. В момент, терзая когтями и разрывая клыками, превратил жертвы в один кровавый комок. И, отскочив в сторону, умиленно замурлыкал. Пораженный купидон нежно позвал зверя:

– Пятачок, ты что натворил?

А раздосадованный дед запричитал:

– Ну, вот, все-таки притащил хищника.

Именно в этот момент тот свернулся калачиком и, спружинив, подскочил вверх, на лету развернувшись, предстал сухощавым мужчиной в черном плаще.

– Разрешите поблагодарить от лица всевышнего за доставленный подарок, – вежливо обратился он к присутствующим. – Извините, что не могу уделить внимания. Дела. – Тут же огненным столбом взвился и растаял в вышине.

– Да, – задумчиво произнес Петр. – Вот и сподобились лицезреть самого Оуробора – уничтожителя любой когда-либо созданной формы. Единственного палача на службе Создателя. Ну да ладно, нам пора.

И тотчас все сдуло порывом ветра. Закружив неясной пеленой, прорезая темноту, все вновь оказались в знакомой квартире. Взглянув на часы, Петр подытожил:

– Всего десять минут понадобилось для разборки. Прямо баловство одно. Включи, дед, телевизор, дождемся новостей, может, чего случилось за время нашего отсутствия.

И правда, диктор, заканчивая программу, неожиданно извинился, придал голосу трагическую мрачность и заявил:

С прискорбием сообщаем. Буквально двадцать минут назад, при выезде с окружной дороги на Рублевское шоссе «Мерседес – 600», в котором находились советник Президента и председатель фракции депутатов парламента, столкнулся с выскочившим не встречную полосу трейлером, последствия аварии ужасны – в живых не остался никто.

Дед Данила удивленно хмыкнул:

– Оперативно работают наверху. Значит, вот эти задумали Дивногорск погубить?

Петр, выключив телевизор, ответил:

– Нет, этим поручили исполнить. Они являлись негласными руководителями банка и финансировали операцию. Здесь, в России, сидят пешки. И если что, ими пожертвуют. А те кто планирует, далеко от пределов опасных. Вот мы им о себе и напомним. Пора панику в стае

крысиной сеять, а то обнаглели от безнаказанности. Прежде чем что-то строить, необходимо научиться защищать созданное.

...Этот подмосковный санаторий с давних времен считался лучшим местом для отдыха привилегированной касты. Во времена реформ приобрел европейский дизайн и суперсовременное медицинское оборудование. Среди столетних сосен и вековых кедров располагался бассейн и закрытые теннисные корты. Собственная взлетная полоса и вертолетная площадка в сочетании с космической связью делали объект стратегически важным. Охрану осуществляли особые части спецподразделения, состоящего сплошь из офицерского состава. Последние новинки электронного слежения располагались вокруг элитарной зоны отдыха. Только особо почетных гостей привозили сюда насладиться прелестями подмосковной природы. И в этот раз весь обслуживающий персонал с трепетом ожидал прибытия важных посетителей. Правительственные машины в сопровождении эскорта доставили троих долгожданных гостей, – двух пожилых иностранцев и одного, совершенно не приметного на вид, не так часто появляющегося на экране советника, по рангу не поймешь чьего – то ли Президента, то ли Правительства. Но обслуга, поднаторевшая в дворцовых интригах, прекрасно знала, что это один из золотой пятерки незаметных правителей великой России. Отобедав и отдохнув, гости заперлись в каминном зале. Охране приказали не беспокоить по пустякам. Оставшись одни в полутемном зале, расположились в мягких креслах, накрылись пледами, видно, не согреваясь даже вблизи горящих поленьев в огромном камине. Один из иностранцев, немного картавя и проглатывая окончания слов, заговорил на вполне сносном русском языке:

– Ми собрались, чтобы обсудить очень важный вопрос и найти разумное решение. Пошты треть промышленности и социальной инфраструктуры большинства стран Западного континента зависит от русских ресурсов. В случае прекращения их подачи, придется резко сокращать производство. – Старик, помолчав, мрачно обвел взглядом присутствующих. – Ми не можем допустить подобного. Если Россия нахнет диктовать свои условия. Население будет иметь райские возможности, разумно пользуясь сырьевыми богатствами. Но тогда возникнет законный вопрос, пошему до этого держава находилась в руинах, а население сократилось на 20 миллионов. А среди самых богатых людей мира – половина так называемые «новые русские»? Нам необходимы гарантии, господа, что вы способны контролировать власть. В противном случае мы будем вынуждены прибегнуть к радикальным мерам. Но вы должны понять – Америка не допустит величия России.

В самый торжественный момент угрожающей речи дверь открылась, и в сопровождении начальника охраны в зал прошествовала процессия в составе деда в пальто, развязного мальчонки и спокойного молодого человека. Опешившие заговорщики не успели отреагировать на необычное появление, как старик ласково попросил военного:

– Ты иди, сынок, там за дверью подожди. А за солдатиков своих не беспокойся, вот уйдем мы, и оживут, обещаю.

Офицер беспрекословно развернулся и строевым шагом покинул помещение. Гости повели себя довольно странно – не здороваясь, расселись на свободных местах. Безо всякого почтения молодой мужчина обратился к пораженному иностранцу:

– Ну что, чужой запас карман жмет? А того не знаете, что ждут вас впереди потрясения и беды грандиозные. Вы же сами не знаете, на что руку подняли, хотите нарушить принцип триединства, основу, ради чего было создано человечество. Разгневаается Владыка, накличете беду. Ну, а пока мне позволено вот с этим долбоносиком разобраться, – показал рукой на остолбеневшего советника серьезный парень. – Значит, ты придумал Дивногорск с лица земли стереть? Вот и не угадал на этот раз. Придется мне тебя лишит инициативы навечно. Так что извините, если что не так. Прошу прощения за грубое слово и за бестактность.

Молодой человек поднялся и направился к выходу, вслед за ним поспешил и старик, но всех остановил чистый голос мальчика. Обернувшись к остолбеневшим иностранцам, он со значением задал вопрос:

– Один американец засунул... куда палец? И вытащил оттуда чего? Четыре-шесть пудов? Знаете? – И, заметив, что те растерянно переглядываясь,жимают плечами, снисходительно ухмыльнулся: – Тоже мне мудрецы, в натуре. На Руси любой юнец ответит. – И гордо вскинув голову, подался к двери.

Не успели стихнуть шаги странных посетителей, как очнувшийся советник метнулся к телефону. Судорожно всхлипывая, он истерически выкрикивал команды, забрызгивая трубку слюной. Иностранцы, о чем-то пошептавшись, не пытаясь успокоить коллегу, покинули зал. И прямо от дверей потребовали доставить их в посольство. Неожиданное прекращение визита вызвало переполох в правительственном учреждении. Стоило машинам эскорта покинуть территорию санатория, как над специальной площадкой завис вертолет. Выскочивший из здания человек суетливо залез в летательный аппарат, и, тот прибавив обороты винтам, вновь потянулся к облакам. На подлете к Кремлю, заходя на посадку со стороны набережной, вертолет затрясло, в воздухе повис скрежет металла. Затем что-то лопнуло, и в наступившей тишине, словно в замедленной съемке, железная конструкция, кувыркаясь, рухнула в мутные воды некогда могучей Москва-реки. Зеваки, пораженные увиденным трюком, молча наблюдали, как погружаются в воду останки летательного механизма.

Презрительно внимая трагическим речам представителей творческой интеллигенции, поминавших погибшего советника, дед Данила спросил у безучастно сидевшего в кресле Петра:

– Неужто никто не догадывался, каким великим подлецом являлся сей гад? – И, не дожидаясь ответа, печально заключил: – Знали, не слепыми по улицам ходили. Только кто за блага скотские Родину предал, а кто из ненависти к земле родной на злодейство решился. – И тягостно вздохнув, прошептал,

– Ох, и милостив создатель. Зачем терпит?

Петр, не открывая глаз, нехотя процедил:

– Зря ты думаешь, что прощение безгранично. Знаешь, есть такая мудрость. Упал мужик в колодец, подскочили друзья и давай кричать: «Руки, ноги целы? Шею не сломал?». А он в ответ: «Кажется, целы», – «А почему кажется?», – «Да потому что еще лечу». Так и с грехом – покаяние только остановка падения, не освобождающая от наказания. Никто не в состоянии заставить согрешить или искупить. Ведь даже зло искушает только созданием причин, а решение все равно за человеком остается. Хочешь, для наглядности всю мразоту взбаламутим, Ну, а там пусть каждый думает, как поступать. Да, между прочим, а где мальчик?

Дед, закашлявшись смешком, с трудом выдавил из себя:

– Со своей зверюгой прогулку совершает. И тут же в подтверждение его слов хлопнула входная дверь, и в комнату вальяжно проследовал огромный черный кот. Вслед за ним с шумом влетел Вова с порога заметив:

– Мы во дворе решили отряд самообороны организовать по опознанию и изгнанию.

– Кого? – поинтересовался дед.

Пока не знаем глубокомыслию. – ответил Вова. А может, чем поважней займемся? — предложил Петр.

– С превеликим удовольствием, – тут же согласился мальчик и направился к дивану, не преминув по пути пнуть ногой лежащего на дороге четвероногого друга.

\*\*\*

Андрей Иванович под вечер прибыл на дачу, отослал прислугу и расположился в саду, наслаждаясь одиночеством. Жена с дочерью второй месяц путешествовали по Европе, изредка присылая открытки с видами великих развалин древности. Уже полгода, как он занимал должность одного из замов начальника генерального штаба, при этом не особо отягощая себя воинскими обязанностями. Андрей Иванович старался как можно меньше принимать участие в развале некогда им горячо любимой армии. Но именно сегодня намекнули, что начальник уходит в очередной отпуск, и есть смысл в его отсутствие проявить инициативу, а там возможно и повышение. И сладкая надежда пьянила, заставляя закрывать глаза в дремотной истоме. Мысли плавно таяли, погружая сознание в бархатную темноту. Затем шелчком кто-то включил освещение, и Андрей Иванович узрел себя на довольно странном постаменте. Поверх целого ряда коммерческих палаток постелили настил из свежеструганных досок с перилами и лестницей. Это нелепое сооружение располагалось в самом начале Тверской улицы, прямо напротив недавно отреставрированного «Националя». На трибуне разместились группа кривляк с наглыми мерзкими рожами, мелькали знакомые по телепередачам физиономии, играла музыка и кто-то весело напевал: «А Ванюша дурачок, дурачок». Прерывая музыку, из громкоговорителей раздался скрипучий голос: «Да здравствуют пенсионеры и нуждающиеся. Ура, господа!» Рев толпы подхватил призыв зычным эхом. И следующим лозунгом разлилось: «Воздадим славу павшим от приватизации жилья. Ура, господа!» Андрей Иванович, изумленный нелепым фарсом повернулся в сторону демонстрации и опешил, пораженный увиденным. Сотни тысяч стариков и немощных старух, с трудом передвигая ноги, молча плелись по Тверской, крепко взявшись за руки. Их пиджаки и платья украшали ордена и медали былых подвигов и трудовых свершений. Глаза гневно сверкали на лицах бледно-синего цвета. И онемевшего Андрея Ивановича осенило – а ведь это марш мертвецов. Нескончаемым потоком текли демонстранты, сопровождаемые выкриками и веселыми лозунгами: «Пусть не будут забыты миллионы нерожденных. Ура, господа!» Андрей Иванович заметался, не в силах вынести подобных торжеств, но путь к лестнице закрывали свиноподобные охранники. И уже отчаявшись, он жутко закричал. Грохот стих, все вновь погрузилось в тишину, но, прорезая безмолвие, возник луч, и в темноте перед ним светлым силуэтом выплыли образы отца и матери. Он, пытаясь стыдливо оправдаться, потянулся к ним, но, натолкнулся на суровый взгляд отца и молча застыл. Тишиной прошелестело: «Тяжкий грех, проклятие всего рода». И укором за содеянное пронеслось: «Проклят, проклят!» В порыве исступления бросился вперед, пытаясь догнать тающее видение, но ноги вязли в невесть откуда взявшейся грязи, и не в силах побороть нахлынувшее горе, он зарыдал.

Кто-то настойчиво тряс за плечо. Андрей Иванович сквозь слезы увидел стоящего перед ним старика в кашемировом пальто, молодого человека и мальчика. Дед, сурово покачав головой, спросил: «Ну что, доигрался, сердечный, до инфаркта?! Давай, хапай машины, квартиры, денег мешок не забудь. Или тебе сейчас от роскоши блевать хочется, родимый?» И от этих не вполне понятных слов Андрей Иванович ощутил смертельный холод в левой стороне груди и, почувствовав нехватку воздуха, широко открытым ртом сипло захрипел.

– Ну, вот, Данила, опять ты торопишься, – с сожалением заметил молодой мужчина. С тревогой поглядывая на задыхающегося военачальника, посоветовал: – А Вы дышите полной грудью, глубже, уверенней.

Немедленно боль отпустила, ледяная игла под сердцем вмиг растаяла.

– Вот так-то лучше, – садясь напротив, констатировал парень. – А теперь слушайте внимательно. Предлагаем во спасение, как себя, так и ближайших родственников, произвести следующую операцию. Организовать учения по борьбе с терроризмом, задействовав войска спец-

наза и подразделения спутниковой и электронной разведки. Содействие ФСБ, прокуратуры мы Вам гарантируем.

– План, значит, такой. – неожиданно влез в разговор мальчишка, – Арестуйте всех воров и разбойников, на кого есть разработки, и посмотрите, кто полезет их отмазывать. – Затем, о чем-то задумавшись, посоветовал: – В тылу глубоко, разведчик смелый считал врагов в пивнушке местной.

– Ну вот, опять ты за свое, – отреагировал на неуместную фразу старик, и вся троица, о чем-то споря, скрылась в ночи.

Андрей Иванович попытался окликнуть посетителей, но именно от этого желания проснулся, широко открыл глаза и стал оглядываться по сторонам. Но вокруг лишь ночь мигала россыпью звезд, и легкий ветерок нежно шептал в саду.

– Фу ты, черт. И надо же такому привидеться, – поеживаясь от озноба проворчал Андрей Иванович. Кутаясь в куртку, направился досыпать на летнюю веранду. Но как он ни старался, сон так и не соизволил посетить страдальца.

Уже в несколько раздраженном состоянии ранним утром прибыл на свое рабочее место. Сидя в кабинете, почему-то опять принялся вспоминать сновидение, запечатленное в памяти до мельчайших подробностей. И чем больше думал, тем тягостней становилось на душе и тревожнее щемило сердце. Почти решив в ближайшую субботу посетить могилку родителей, облегченно вздохнул. Но неожиданно дверь приоткрылась и, в кабинет робко проникла секретарша, испуганно прижимая к груди руки.

– Андрей Иванович, там в приемной зампрокурора и генерал из ФСБ к вам прибыли.

Вмиг осипшим голосом хозяин кабинета распорядился:

– Просите. – Одернув китель, он направился навстречу важным посетителям.

Расположившись в углу и ожидая чай, те смущенно принялись плести что-то о погоде. Лишь после того как хозяин, достав бутылку коньяку разлил содержимое по рюмкам и предложил выпить, немного расслабились. И тут Андрей Иванович решился, внутренне удивляясь смелости своего поступка.

– Значит, так. Всем посвященным в детали операции придется подписать обязательства о мерах наказания в случае разглашения, это касается также высшего командного состава. Участвуют только офицеры. Основной контингент прибывает с периферии. По мере возможности необходимо освободить Лефортово и гауптвахту Московской комендатуры. Прокуратуре срочно подготовить всю разрешающую документацию, работникам ФСБ проверить технические условия для задействования системы «Маяк». Готовность семьдесят два часа, операция началась с момента нашей встречи.

Андрей Иванович поднялся и, взглядываясь в побелевшие лица слушателей, жестко спросил: – Вопросы есть? – И, подождав, добавил: – Действуйте.

Оставшись один, подошел к столу и нажал кнопку экстренного вызова офицера связи. В кабинете появился посыльный.

– Записывайте. С этой минуты в Москве проводятся учения под кодовым названием «Тишина». Антитеррористическим группам прибыть в места приписки согласно дислокации. Командирам доложить по инстанциям: исполнение двенадцать часов. Штаб развернуть на Лубянке. Оформить все соответствующими приказами незамедлительно. Вы свободны. – Устало откинувшись в кресле, закрыл глаза. В голове металась испуганная мысль: что ты задумал? Ведь это крах всей карьеры. И потом, кто мог прислать прокурора с комитетчиком?

Как только сомнения стали одолевать, рука сама потянулась к кнопке, боль холодной иглой пронзила сердце и голос отца гневно прогремел: «Будь проклят, Иуда! Все слабости враз пропали, и, глубоко вздохнув, Андрей Иванович громко воскликнул: «Врете, русские не сдаются!».

Звонок телефона вновь заставил напрячься. Общения домогался один из советников «самого». Нагло тыкая, он поинтересовался целью учений и, выслушав объяснения, неожиданно похвалил, пожелав больше внимания уделять отработке методов охраны правительственных объектов. Закончив разговор, генерал вызвал машину и приказал ехать на Лубянку. Операция медленно, но верно набирала обороты. Суетились связисты, передавая приказы, и даже лица сопровождающих чинов обрели суровое выражение военного времени. Спустившись на лифте, Андрей Иванович попал в особо секретное помещение ФСБ. Встретивший дежурный офицер, отрапортовав, проводил его к огромному экрану с разметками кривых линий и ломаных окружностей. По просьбе генерала один из операторов привычно принялся объяснять присутствующим:

– Данная система «Маяк» позволяет пеленговать любое передающее и принимающее устройство, работающее в коротковолновых диапазонах. Поступающий сигнал, совмещенный с картой города, устанавливает нахождение объекта с точностью в радиусе трех метров, а также сопровождать его в движущемся режиме. Одним словом, любой владелец радиотелефона или пейджера выявляется нами в течение двух минут после введения его координат.

Генерал удовлетворенно посмотрел на присутствующих и, обратившись к представителю ФСБ попросил:

– Возможно ли ввести данные на всех авторитетов и лиц, подозреваемых в крупных финансовых хищениях?

– Конечно, Андрей Иванович, – отозвался особист. – Если, правда, прокуратура оформит все по закону.

– А за нами задержки не будет, – тут же отреагировал серьезный мужчина в гражданском костюме. – Учения проводятся максимально приближенной к реальным условиям.

– Вот и славно, – подвел итог генерал, – действуйте.

Мальчик потянулся и, сбросив с колен любимого кота, с вызовом заявил:

– Мне, между прочим, надоело совесть пробуждать у всяких разных. Мы сюда не пилюльки прибыли подавать. Чай, не маленькие, соображали, когда делали. Нам степень падения определить приказали, а не в спасителей играть.

Петр вскинулся от подобного заявления. Грозно наступая на Вову, медленно выговаривал:

– В момент мировых катастроф спасители появляются в самом больном месте планеты, пытаясь предотвратить гибель, иной раз заранее зная о трагичности подобного поступка. Противостоят принципы вечного созидания и законченного совершенства. Стоит хоть раз отчаяться, как ты согласишься с бессмысленностью движения. Застывшая форма – это смерть, нет пути ни назад ни вперед, это все иллюзия, ничего никогда не повторяется. Существует только противоборство материи и духа.

Человек не может находиться в состоянии разделенных духовных ценностей. Поэтому единственной страной, способной создать новое государственное устройство с принципом – все для всех, является Россия. И несмотря на всю грязь, за нее стоит бороться.

Мальчик, отступая, прижался спиной к стене и, замахав руками, жалобно заскулил:

– Зря разволновались, дяденька. Не бережете Вы себя. Кто ж отказывается помочь сердобольным, только народ нынче мелкий пошел, спились до скотской угодливости, собственный забор не в состоянии подправить. Кого спасать, если все по лужам расположились?

Петр, несколько сникнув, в задумчивости остановился, и тогда от кресла послышался голос Данилы:

– Принцип православия, в отличие от других учений, утверждает, что постулат «отдать» намного сильнее, чем «взять». У русских крепость веры пропорциональна унижению. Возникнет целый народ в духе воина, способный без сожаления очиститься от грязи, в этом смысл нового века.

Вова поймал пробежавшего Пятачка за хвост, и плаксиво пожаловался:

– Ага, справились с малолеткой, рады. Мне, может, тоже хочется какого-нибудь толстого проктолога истребить во благо, а вы мне тут разговорами мудрыми мешаете. Все, дед, последний раз спрашиваю, вот сейчас идешь со мной на прогулку?

Данила аж опешил от подобной наглости.

– Тьфу на тебя, балабол юридивый, – проворчал он растерянно.

– Вот так всегда, поэта каждый норовит обидеть, – уже от самой двери пристыдил Вова.

На улице, покрутившись около дома и не находя занятия своей кипучей натуре, выскочил к набережной и наперегонки с преследующим Пятачком побежал по тротуару. За углом его явно заинтересовала машина ГАИ и стоявшие в засаде двое милиционеров. Выбрав для беседы одного из них, постарше, с автоматом наперевес, смело вступил в диалог:

– Дяденька военный, а вы, небось, здесь бандитов ловите?

Представитель закона с любопытством осмотрел возникшего перед ним мальчика с огромным черным котом у ног.

– Что-то поздно ты гуляешь, сынок, – почти ласково произнес милиционер. Тут же из-за поворота на бешеной скорости вылетел «Мерседес». Второй гаишник, выскочив на дорогу, замахал жезлом, пытаясь остановить дерзкого нарушителя. Но машина, не сбавляя скорости, пронеслась мимо, даже не стараясь притормозить. Ребенок посочувствовал.

– Не слушают вас, щипачей дорожных, видать, не уважают, – и бодро посоветовал: – а Вы стреляйте, дяденька, стреляйте.

И пожилой навскидку от живота веером распорол тишину затяжной очередью вслед уходящим габаритам.

– Ты сдурел Георгии! – дико заорал обомлевший от неожиданности напарник. И заметив, как вильнувшая машина, визжа тормозами, ткнулась бампером в бордюр, запричитал: – Убил, небось, бандючков! – И в спешке бросился к автомобилю.

Стрелявший обернулся, ища глазами мальчишку, но вокруг никого не было, кроме охающего вдалеке товарища. Опустив автомат, он подождал, пока к нему не спеша вернется напарник. Только сейчас сообразив, что натворил, со страхом выдал: «Ну как там?»

– Да живы все, – еле сдерживая смех, сообщил приятель. – Только обосрались, герои. Иди, сам вынимай засранцев.

А Вова уже, ловко преодолев кусты, оказался на аллее сквера. Приметив троих нечесаных мужичков возле сидящей на лавочке девушки, весело подпрыгивая, направился к компании. Девушка плакала, умоляя оставить ее в покое. От страха она разрыдалась, но ужас кошмара разорвал веселый детский голос:

– Привет маньячкам и педофилам, – и слету озорно прочитал удивленно обернувшимся хулиганам: – с заходом солнца, с помоек мерзких стремятся в город подонки стаей. Гениально в натуре. – И, замолчав, застыл в ожидании ответной реакции.

Пауза затягивалась. Когда один из мужчин направился в его сторону, приговаривая: «Мальчик в ночи – это чудо», Вова предупредил: – Сейчас вас Пятачок будет рвать на фашистские кресты.

Сразу же из-за его спины лениво выпрыгнул кот. Неожиданно рев потряс аллею, а домашнее животное, вырастая, на глазах, превратилось в гибкую пантеру. Вскрикнула девушка, теряя сознание, и два насильника как подкошенные рухнули замертво на землю.

– Не, так не честно, – обиженно заныл Вова, провожая взглядом последнего убегающего искателя любви, – с кем тут бороться, где достойный противник? – обратился он к ставшему обычным Пятачку.

Среди ночи, открыв дверь квартиры, мальчик галантно пригласил гостью. И от порога громко представил:

– Оксана, гордость и краса крайнего севера. По национальности буренок.

Смущенная девушка хихикнула:

– У меня только мама бурятка, а папа русский.

– И это прекрасно, – восторженно взвыл Вова. – Можно она здесь побудет? Ей ночью никак до Малаховки не добраться.

– Ну, красавец, уже знаем, что натворил, – похвалил Данила – Молодец, сынок, дело нужное. Двумя скотами меньше. А ты, дочка, иди в другую комнату, располагайся места всем хватит. – И не успела закрыться дверь за прекрасным созданием, тут же упрекнул мальчика: – Долго тебя ждать? Здесь такие дела разворачиваются, а ты ходишь, глазки строишь.

– Все, хватит. – остановил перепалку Петр.

Не успел Вова расположиться на диване, очертания предметов стали таять, меняя видимый рисунок, необычными узорами заструился серебристый свет, и горные вершины, составившие из ничего, окружили видимые горизонты. Скалистое плато, созданное причудой великого художника, венчало вершину главной горной громадины. В центре ровной как блюдце площадки и очутились трое путешественников. Петр с укором посмотрел на Данилу:

– Ну, и любишь ты грандиозность декораций, скромней надо быть, экономней.

– Вот, вот, – добавил мальчик. – гораздо понты колотить, зрителей-то нет, не перед кем.

Дед хмыкнул и обиженно пробурчал:

– Не с бесенятами встречаемся. По рангу и обрамление.

Гранит основания заходил ходуном, и из глубины каменного монумента раздался утробный голос:

– По какому праву вы нарушаете договоренность? Вы только смотрящие с правом доложить. Решение принимают другие, зачем стремитесь уничтожить зло?

Петр, склонив голову, но несколько не робея, с достоинством возразил:

– Там нет уважения ни к чему, никто не желает строить иерархию. Там правит хаос. Каждый продаст любого кому угодно, не создавая подчиненности. Там уже нет авторитета ни добра, ни злодейства.

И вновь голос, сотрясая горы, возвестил:

– Наказание. Серость заслужила наказания. Мародеры даже в зле уязвимы.

В серебристом свете черным жемчугом в бездонной высоте вспыхнул знак Оуробора – огромный змей, кусающий себя за хвост. Вновь явь, колыхаясь, обрела вид обычной квартиры. Вова, вскочив с дивана, торжественно воскликнул:

– Ух ты, с самим владыкой темноты, общались! – И, погрозив кулаком неизвестно кому, предупредил: – Ну держись, мразота. По грибы на катке дорожный мастер выезжает. – Подхватив Пятачка, заплясал на месте.

Дед Данила, в задумчивости восседая в кресле, с сомнением сказал Петру:

– Неужели греховоды не осознают гибели своей души? Не предчувствуют надвигающегося наказания? Ведь с момента падения во мраке помыслы пребывают.

– Вот ты и ответил, – равнодушно заметил Петр. – После смерти душа будет находиться в том мире, который при жизни построит воображение. Где ты видел, чтобы злодей мечтал о прекрасном? Они и красоту понимают в искаженной и уродливой форме. Это зло душит мир индивидуальным развитием, а само давно уразумело, божья воля формирует сознание. Для этого достаточно послушать рассказы слепых от рождения. Все там есть – и горы, и моря, хотя никогда не виданные. Вот сейчас серость народ русский ослабит, а того не поймет, что бессильный потенциал Руси не сможет в полной мере противостоять хаосу, и начнутся катастрофы невиданные по всей планете, эпидемии да пожары. Ну, а мы поможем России в единый кулак сжаться, выбив заразу из ее пределов. Да что мне вас убеждать, сами знаете, создатель лоно готовит для пришествия, так что здесь мрази не устоять. Пока лучше посмотрим, что там наш генерал делает.

Все слушатели, закрыв глаза, погрузились в созерцание событий.

В штабе на Лубянке проходило совещание. Андрей Иванович конкретизировал задание каждому руководителю.

– Мобильные отряды спецназа, ведомые оператором, арестовывают подозреваемых и доставляют в намеченные изоляторы. Устанавливаются места проживания, и по адресам выезжают следователи для проведения обысков, изымая компрометирующие доказательства. Работники прокуратуры немедленно проводят дознание, формулируя обвинения. В стадии допроса к следователям подключаются налоговые инспекторы, разбираясь с недвижимостью. Рядовых бандитов «закрывать» по любым подходящим статьям. Начало операции через два часа. Все свободны. А Вы, Петр Николаевич, оставайтесь, – обратился генерал к крупному мужчине – представителю ФСБ. Подождя, пока участники совещания покинут кабинет, смягчив голос, попросил: – Значит, как договорились. Записывать все звонки, поступающие в связи с данной операцией.

– Да знаю, – обиженно заметил мужчина. – Копии записей передам кому следует. Не пугайся, не бойся. Что же ты думаешь, мне не больно видеть, как Родину на куски терзают? Э, нет, не за то мой отец да старшие братья в сорок первом в землю полегли.

– Вот и славно, – устало похвалил генерал.

Операция началась неожиданно, оглушив коррумпированных представителей власти. Впервые взаимодействие ведомств выглядело обдуманно и целенаправленно. Клиентов отлавливали банально просто, вытаскивая из публичных домов и многочисленных бань, с дач и квартир, хваленая охрана не успевала даже пикнуть. Группы захвата действовали жестко и четко. Да и поникшие хозяева, в жутком страхе безропотно подчинялись представителям закона. Уже к двенадцати ночи все свободные камеры были заполнены. И с первых допросов многие коммерсанты принялись сдавать своих продажных благодетелей. Материала было столько, что не успевали записывать. Только часа через четыре после основных задержаний началось активное противостояние. Телефоны разрывались в кабинете Андрея Ивановича, звонили депутаты, почетно-заслуженные деятели искусств, шипели правозащитники. Со всеми генерал общался вежливо, отделяясь цитированием законов и указов Президента. И, наконец, с ним связались те, кому по рангу он обязан был докладывать по существу. За каждым задействованным чиновником чувствовалась указка вороватых советников. Просьбы были конкретные. А на любые доводы следовал один ответ – так нужно.

Вырисовывалась странная картина: свобода предоставлялась жуликам иностранного происхождения, или напрямую связанным с властью. Неприкосновенными объявлялись особо наглые расхитители, в активе которых числились миллиарды похищенного. Выплывали контуры заговора. И когда раздался звонок, и ему сообщили, что он смещен с должности, что приказ придёт с минуты на минуту, это его не удивило. Не дожидаясь посыльного, вышел из кабинета и, не отвечая на вопросы встревоженных сослуживцев, покинул помещение. Садясь в машину, попросил отвезти на дачу.

Сердечно попрощавшись с расстроенным водителем, ушел в сад. Там, расположившись в любимом кресле, долго думал, всматриваясь в бесконечность звездного неба, затем достал из нагрудного кармана небольшой «браунинг» и со словами: «Прости, отец», поднес руку к виску. И в эту трагическую минуту за спиной раздался голос:

– Генерал, погибать надо в бою. Особенно, если враг уже определен.

Обернувшись, Андрей Иванович воочию увидел стоящих перед ним персонажей недавнего сна. И удивленно замычав: «Вы живые?» – медленно опустил руку с пистолетом.

– Ну конечно, – съязвил мальчик, – чевой-то нам помирать? Мы только приступили к исполнению.

Военный, не слушая, все силился понять:

– Как вы прошли, где охрана?

– Сняли за Вами наблюдение. Вскорости за инициативу награждать придут, успокоил хозяина Вова.

– Здесь небезопасно. Вам следует уехать, – предупредил гостей Андрей Иванович.

– Да не стоит беспокоиться, все уже произошло, – показывая вверх рукой, заявил равнодушно Петр. – Сейчас просто раздача предстоит. Там постановили не миндальничать. Так что начнут гасить свечи родовые. А Вы, сломались! Стыдно, генерал, русские не сдаются, – голосом отца закончил молодой человек. И нехотя обернувшись на легкий шум, вежливо обратился к группе людей, показавшихся на тропинке сада: – А вот и гости желанные.

Высочивший вперед мальчик весело поприветствовал их очередным шедевром:

– Влюбленный волк в глухом лесу дождался все-таки козу. Гениально, в натуре, – опережая упреки деда, похвалил себя. И не давая никому проявить инициативу, громко закричал, обращаясь к остановившимся мужчинам в длинных плащах: – Вы близко не подходите, а то еще кровью забрызгаете, здесь люди все-таки приличные. А ты, длинный, давай-ка кончай дружков своих.

Самый высокий, как по команде, выхватив из-под полы тупорылый «Узи», принялся резать очередями сообщников. И только со щелчком закончившейся обоймы трупы рухнули на землю.

– Ух ты, во натворил дел, – упрекнул застывшего исполнителя мальчик. – Вас, дяденька, за это начальство не похвалит. Вы пойдите подальше и подумайте там. Притом у вас еще граната осталась.

Фигура развернулась и, бодро шагнув в темноту, скрылась за углом дома. Вова, немного подождав, дурачась, крикнул:

– Атас, ща как бабахнет!

И правда, вдалеке ухнул взрыв, осветив яркой вспышкой ночной сад.

– Ну, нам пора прощаться, – обратился Петр к онемевшему генералу, сидевшему в кресле с открытым ртом и выпученными глазами.

– Не отчаивайтесь, генерал, прорвемся.

Все трое спокойно растворились в темноте.

...Утро встретило семейку в своих любимых креслах. И когда из комнаты выглянула заспанная северная красавица, ее уже ждали. Вова с Пятачком тут же потащил гостью на кухню, показывать съестные припасы.

Накормив завтраком, мальчик проводил Оксану и, не задерживаясь, вскорости вернулся домой, застав старших товарищей за просмотром телевизора. Все с любопытством принялись слушать лживые объяснения бессовестных комментаторов по поводу ночного происшествия. Какие-то козлино-угодливые эксперты витиевато клеймили происки врагов, покусившихся на демократию. Предъявленные документы объявлялись подделкой, а записи голосов с признаниями – фальсификацией. С каждым новым выступлением в речах слышалось все нарастающая истерия. Требовали от властей примерно покарать виновных в провокации, обвиняя последних во всех смертных грехах.

Даже ко всему привычный дед поперхнулся от возмущения:

– Вот обнаглели, подлецы. Нам, зрячим, в глаза доказывают, что вор честней праведника. Это что ж за порода на свет вывелась, ложью и мерзостью живет и других жить заставляет.

Вова, конечно, не преминул блеснуть дарованием. С достоинством встав на кресло, таинственно прошептал:

– Кто на свете всех хитрей и коварней, и подлей? Кто торгует всяким хламом, кто и в книжечках злодеи? Посмотрите телевизор и ответьте, – сделав паузу хитро попросил, – угадайте с трех раз, – и не дождавшись реплик, смеясь прокричал, – ну, конечно, Бармалей.

Данила, заинтригованный было стишками, разочарованно чертыхнулся:

– Тыфу на тебя многократно, юморист вшивый. Здесь о серьезности рассуждают, а он смешки строит.

– Вот-те раз, – обиженно ухмыльнулся мальчик, – чего тут мудрствовать? Пошли да наказали, мы не судить, а казнить право имеем. Нам чего с ними выяснять? Ох ты, Боже мой, всех дел на минуту, если не сомневаться.

Петр, внимательно слушал, одобрительно кивая головой, поддержал Вову:

– Полностью согласен с нашим юным другом. Серость сильна анонимностью стаи, она пытается скрыть истинные намерения. Ложью доказывает окружающим свою исключительность и необходимость. Возможно, провидение специально прогнуло Россию, заставив серых кардиналов проявиться, Теперь, по крайней мере, их не надо выискивать по углам, все враги земли русской о себе заявили во всеуслышание. А возводя хулу на Господа и святость, обрекли себя на погибель. Божественный суд свой приговор давно вынес. И даже темный князь эту мерзкую слякоть уничтожает без сожаления. Ведь серости не свойственно состояние ни тьмы, ни света. Она не способна воплотить в своей среде ни одного созидающего начала. Так что, друзья, работы предстоит много. Пожалуй, пора потревожить главных.

К этому неприметному домику в Барвихе можно было подъехать со всех сторон. Расположенный в центре перекрестка, он скрывался за высоченным забором, выглядывая поверх него красной черепичной крышей. Глухая ограда предохраняла просторный двор от любопытных глаз, а незаметные камеры по углам позволяли надеяться на безопасность. Окрестные жители с некоторой брезгливостью и страхом относились к необычному строению, называя между собой темным подворьем. Никто и никогда не видел обитателей дома. Лишь изредка приезжали машины с затемненными окнами и мгновенно пропадали за глухой изгородью. Таким же способом и сегодня несколько иномарок проследовало к теремочку, а вышедшие из них пассажиры скоренько прошмыгнули внутрь дома.

Уверенно спустившись вниз по лестнице, приезжие очутились в прекрасном зимнем саду с пальмами и необыкновенными диковинными кустами. В яркой зелени листьев слышались переливы соловьиных трелей и ласковое журчание ручья. В центре сада, на аккуратной лужайке в кресле-качалке сидел пожилой мужчина с обвислыми щеками, огромным носом и оттопыренными ушами. Заметив прибывших, жестом, по-хозяйски, предложил располагаться на стульях в виде пеньков, с массивными спинками. Затем знаком кому-то отдал распоряжение, и птичий гомон смолк вместе с шумом воды.

– Прекрасно у Вас здесь, наставник. Как мудро иметь искусственные растения, никаких хлопот, вечное лето. Да и акустика замечательная, любые звуки воспроизводить позволяет.

Хозяин поморщился от набившего оскомину комплимента и, резко прервав гостя, хмуро заметил;

– Не до хорошенького. Деревцами потом восторгаться будем. Давайте конкретно и по существу. Пусть каждый доложит, что происходит в его ведомстве. Кто курирует МВД, начинайте первым.

Несколько сутуловатый, тщедушный с виду, мужичок резко поднялся.

– За эти годы нам удалось полностью разрушить министерство. Особо одаренные работники, смелые и принципиальные, уволены или дискредитированы. Патриотически настроенных как таковых остались единицы. Многие к настоящему моменту коррумпированы, на остальных собирают компромат. В уголовной среде созданы группы, специализирующиеся на заказных убийствах. Благодаря безнаказанности удалось привлечь к подобным делам молодежь, способную выполнить любое задание, несмотря на политические пристрастия. Все бы хорошо, но в последнее время органы пополняются бойцами, прошедшими военные конфликты. И вот именно они все настойчивее пытаются докопаться до истинных причин происходящего.

Наставник слегка поморщился:

– Это ерунда. Ограничим доступ к системе. Следующий, что там с армией?

И уже другой, с косым взглядом и бугристой кожей на лице, принялся бубнить:

– План развала Вооруженных сил выполняется даже с опережением. Флот, авиация уничтожены больше, чем на половину, ВПК на грани развала, сухопутные соединения деморализованы. Если бы не стратегические системы, задачу можно считать выполненной. А так у них ума хватит, рванут на своей территории пару ядерных ракет, и конец Европе.

– Хорошо, учтем. – похвалил оратора хозяин. Но, главное, следует сосредоточить усилия по искоренению патриотизма и национального самосознания. Как здесь обстоят дела?

Уверенно поднялся высокий мужчина в дорогом костюме с курчавыми волосами.

– Основные средства направлены на размыwanie национальной идеи, ставка делается на работу с молодежью. В их среду поставляются всевозможные наркотические вещества, культивируют идеалы насилия и исключительности личности, поощряются всевозможные извращения. Все виды искусства, направляемые нашими людьми, активно помогают в этом, формируя стиль и образ новой жизни. Многочисленные премии и финансовая помощь стимулируют подобную деятельность. Все эти годы мы не позволяем создать образ героя нации, кому могли бы подражать или следовать его идеалам. Размыт нравственный барьер, заниматься проституцией, воровать, обманывать уже не считается чем-то позорным, наоборот мы переводим это в разряд достоинств.

– Отлично! – во весь свой уродливый рот засмеялся наставник, но, что-то вспомнив, померк и сердито заговорил: – Не все так просто, как кажется, соратники. Конкретных противников можно физически устранить, но что делать, если происходит нечто необычное. Вы в курсе, что за последнее время погибло несколько наших товарищей. В их кончине много странного и необъяснимого.

Мне кто-нибудь может пояснить, что происходит? – Замолчав, обвел взглядом присутствующих: – Ну тогда слушайте, что предстоит сделать. Необходимо спровоцировать межнациональные конфликты. Только непрерывные разрушения не дадут очухаться России. Всем нашим поскорее вывозить семьи из этой страны. – И не прощаясь, поднялся из кресла и, волоча ноги, прихрамывая, скрылся между деревьями.

Разъезжались так же поспешно, как и прибыли. Один из участников совещания, с виду кривой недомерок, особенно торопился в Москву. Именно через него осуществлялись заказы на ликвидацию неугодных, и к подобным делам он относился равнодушно. Вся схема по подготовке ликвидаторов-террористов была осуществлена в России именно им – специальным агентом ЦРУ. Давным-давно засланным еще на территорию СССР. Во времена неразберихи демократического становления, активизированным и внедренным во властные структуры. Именно ему принадлежали инициативы по реформированию КГБ и МВД. Россию этот человек ненавидел люто. Как впрочем, и всех людей на земле, за исключением соратников своего круга. Выполняющих великую миссию по завоеванию планеты. И подъезжая к условленному месту, Паук еще раз про себя повторил исходные данные, необходимые для передачи исполнителям. Уничтожению подлежал один из промышленников. В холле ресторана, попросив охрану подождать, проследовал в полумрак бара. Заметив сидевшего за дальним столиком солидного мужчину в дорогом черном костюме, уверенно подсел на свободное место. Достал из внутреннего кармана пакет.

– Здесь деньги и данные. На все про все неделя срока. – Подождав, пока клиент возьмет сверток встал, собираясь уходить. Но от стойки к столу подлетел мальчик с огромным стаканом пепси-колы с рюкзаком за плечами, из которого высовывалась большая голова черного кота. С шумом высасывая содержимое через толстую трубку, дружелюбно посоветовал:

– Вы не торопитесь, дядя, с Вами разговор не окончен. – А попытавшемуся вскочить мужчине грубо приказал: – А, вы, замрите. К притихшей как во сне компании из темноты

подошли старик в элегантном пальто и молодой человек приятной наружности. Обращаясь к застывшему мужчине, парень равнодушно принялся объяснять:

– Ты свою погибель сам изобрел, а мы тебе показать в состоянии, чего ты лишишься. Смотри, гад, и наслаждайся.

При этих словах брезгливо дотронулся до мужчины рукой. Тот дернулся, словно от удара током. Тут же перед ним, как на экране, выплыло изображение небольшого летящего самолета. В салоне он увидел свою любимую жену и смеющуюся дочь. Затем машина клюнула носом, закручиваясь в пике, понеслась навстречу земле. Перед глазами мелькали лица, безумные в страхе, и немой крик дочери набатом взорвался в голове.

– За что? – очнувшись, из последних сил смог выдавить смятенный очевидец.

– За сотни погибших по твоей вине. И это не все, кара коснется всех близких. И приговор им вынес ты сам. Иди и умри с этой мыслью.

В миг постаревший мужчина обреченно поплелся к выходу.

– Ну, а вам, – обратился парень к очумевшему советнику, – легче пулю в лоб пустить, чем принять то, что назначено. – И потеряв интерес к беседе, тотчас растворился в сумрачном сполухе.

Этот день ознаменовали два необычных события. Удрученный вестью советник выбросился из мчащейся по Кутузовскому проспекту машины и принял смерть под колесами грузовика. И седой мужчина на кухне в квартире застрелился, не оставив даже записки. Данное происшествие списали на дикие нравы современного общества.

А несколько утомленная компания вновь оказалась в квартире, занимаясь каждый своим делом. Вова носился за Пятачком, а потом, наоборот, Пятачок за Вовой. Дед критически заинтересовался сериалом, на глазах тупея и превращаясь в дурацкую статую. Петр, в вечном молчании, равнодушно наблюдал в окно за потугами бессмысленной суеты. Этот размеренный уют потревожил звонок в дверь. Мальчик первым бросился открывать, и из коридора послышался радостный вопль:

– Кого мы видим, Буря в гости пожаловала – И парень втащил упирающуюся девушку.

Та, опешившая от подобного приема, красная от смущения, не поднимая головы, робко поздоровалась.

– Буря, ну ты чего? – теребил за руку девушку неугомонный мальчик.

И она, украдкой взглянув на внимательно наблюдающего за всем Петра, неловко переминаясь на месте, решилась и скороговоркой выпалила:

– Вы не могли бы со мной пойти в театр, у меня два билета? – И испугавшись собственной смелости, зарделась.

Даже дед заулыбался, когда до всех дошел смысл сказанного. Ну, а уж Вову надо было видеть, как корежило. Он похрюкивал, показывая пальцем на Петра, и при этом с трудом выдавливая:

– Кого, его самого на любовь? Ну, это слишком.

И когда вконец растерянная девушка решилась бежать, всех остановил спокойный голос Петра:

– Хватит дурачиться. Нет силы, способной противостоять любви. И нет греха тягостней, чем оскорбить, оттолкнув влюбленного. – И попросил притихшую девушку: – Простите нас, милая, в гордыне забылись. Мне доставит огромное удовольствие сопровождать вас. – И заметив трущегося о ноги красавицы кота, пристыдил Вову: – Пятачок галантней, неуч.

На что обиженный мальчик тут же заявил:

– Мне, между прочим, тоже театр не помешает. Во мне дарование пропадает. – Отозвавшись на испуганный взгляд девушки, успокоил: – Не бойсь, Буря, мы билетик достанем.

...До здания театра дошли пешком. Петр с цветущей от радости Оксаной впереди, развязный мальчик в расхристанном одеянии и незашнурованных кроссовках позади. Еще на под-

ходе к кассе к ним подлетел вороватый мужичок, на ходу предлагая билеты по очень завышенным ценам. Петр, не торгуясь, купил один и протянув Воле, серьезно предупредил:

– Попробуй вести себя достойно. Не забывай, они пытаются иногда сами создавать образ, способный вызывать светлые эмоции, и часто это им удается.

Обескураженная девушка, не понимая сказанного, удивленно заметила, как притих Вова. Все время до начала спектакля он вел себя неприметно, с любопытством рассматривая необычных зрителей. Фойе театра и правда заполняла несколько странная с виду толпа. Молодые мужчины и женщины с манерами бесполок существ вызывающе кривлялись друг перед другом, принимая вычурные позы, при этом громко смеялись и попискивали. Петру даже пришлось толкнуть застывшего в изумлении мальчика, приглашая в зрительный зал. Без проблем удалось поменяться с соседом, предложив место ближе к сцене, и все трое в торжественном ожидании встретили открытие занавеса. Заиграла музыка, и на сцену выпорхнули три фигуры, одетые во что-то невообразимо яркое, нелепо загримированные то ли под женщин или, наоборот, под мужчин. Жеманно подсакивая, они принялись нагло лапать друг друга, при этом томно охая и выкрикивая какую-то ахиною. Воле стало жутко, а зал неистово взорвался аплодисментами. И даже когда актеры демонстрировали похабные позиции, рожденные явно нездоровым воображением режиссера, кто-то восторженно вопил: «Браво». Мальчик терпел, терпел, а затем с ужасом объявил:

Да это же рыдания больного некрофила, воплощенные в действительность.

А на раздавшееся со всех сторон шушуканье вскочил и, перекрывая музыку, заорал: – Нет страшнее для врага команды славной Спартака. – И невесть откуда взявшимся яйцом запустил главному действующему лицу прямо в лоб.

Произошло чудо, зал поддержал редкими аплодисментами неожиданную выходку. Сидящие вокруг с растерянными лицами хлопали в ладоши после каждого меткого броска мальчика. Ну, а когда влетевший милиционер, после некоторого замешательства, выхвативший пистолет, бросился на сцену с криком. «Врешь, нас голым задом не возьмешь» – и выстрелил в потолок, послышалось тихое: «Браво». Зрители плакали, но помимо своей воли выражали восторг. Петру пришлось вывести оцепеневшую Оксану из вакханалии и на улице, усадив на лавочку, долго успокаивать. Девушка с надеждой схватила его за руку, и заикаясь, повторила: «Что это было? Кошмар, кошмар!»

– Нет, дорогая, – возразил невозмутимо Петр, – естественная реакция самосохранения народа на вторжение смертельной заразы. Это опасное инфекционное заболевание, меняющее людей и прекращающее развитие. Подобное надо лечить, а не культивировать. Извращение – искать прекрасное в разложении. А еще аморальней называть это искусством.

Подождав, пока из театра вылетел Вова, спокойно выслушал комментарии происходящего.

– Там щас молотиловка!

Петр, не давая развить тему, остановил разгоряченного мальчика:

– Все. Забудем. Над ними уже рок десницу занес. Сами себя неестеством уничтожают. Ты лучше Бурю развесели.

Вернувшись домой, обомлели, застав испуганного Данилу, судорожно показывающего пальцем на стену, где мягким светом переливался небольшой крест. Не обращая внимания на растерявшуюся девушку, он тут же доложил:

– Только вы ушли, как сей символ могущества вспыхнул. Уж, видно, тебе, Петр, значение известно.

Посуровевший мужчина ласково попросил испуганную Оксану:

– Ты поезжай домой, Буря, и не о чем не беспокойся. А о страхах своих забудь. Ступай, милая.

Девушка, вежливо попрощавшись, вмиг повеселевшая, беззаботно покинула квартиру. А присевший в кресло Петр успокоил товарищей:

– Пришло время доложить. – А на вопрос мальчика: «Почему не позовут, зачем все так таинственно», холодно ответил: – Злу принадлежит голос, добру смысл сказанного. Этот знак в себе столько содержит, месяц рассказывать можно.

Он подошел к свету креста и, протянув руку дотронулся до него.

Стена, вспыхнув, растаяла, и поток блистающей ясности поглотил материю, растворил все в яркости свечения. В этой пульсации великой жизни изменились и приглашенные: мальчик сиял золотом, прекрасно преобразившись, даже дед, кристально прозрачный, излучал необычную мягкость. Только Петр, обведенный четким контуром, выделялся красным цветом. И в неимоверности сияния показался благостный образ прекрасного юноши, великого в проявленной грандиозности. И Петр, преклонив колени, с жалостью в голосе отозвался:

– Им тяжело, большую силу обрело злодейство, запутаны чистые души и заморожены ложью. Без истины существуют отравленные обманом. Скрытая серость разлагает, прячась за спинами дураков и негодяев. Целенаправленно разрушают третий Рим. Лишь единицы способны к восхождению – готовые пожертвовать собой ради высших проявлений. Остальные живут только за счет потребления мощи, накопленной славными предками, ослабляя веру и грозя разрушить единство,

И тогда небесной музыкой прозвучали мысли святого, вызывая умиление и слезы радости:

– Место избрано, и нам предстоит его готовить. И там, где Отец постановил быть последнему пришествию, начнется спасение, и право славить в этом веке никому более поручено не будет. И пусть с этой минуты позволено темной стороне каждого материализоваться и вступить в поединок, выясняя истинную силу привязанности.

Свет мягкими порывами заколыхался и погас, открыв скудные краски прежней квартиры. Понадобилось некоторое время, прежде чем изумленный Вова пришел в себя и принялся допытываться у задумчивого Петра:

– Ты нам хоть расскажи, что все это значит, чего делать предстоит, а то мне лично ничего не понятно. Да, дедушка? – обратился мальчик за поддержкой к притихшему Даниле. И тот закивал.

– Ну хорошо. – согласился Петр, – Бог сам решает, где воскрешение второго пришествия происходить будет. После всех крестовых походов на Иерусалим все святые освободителями были проданы, и в конце концов многие оказались на русской земле, еще раз утвердив предсказания святителей о великой миссии народа. Только жабы мерзкие не оставляют в покое землю многострадальную, не давая расправить крылья. И решило провидение, что наступило время каждому лицом к лицу встретиться с темной стороной собственной сущности и вступить в поединок. И не зная, будут уничтожать сами себя, кромсая и зверея в ненависти. В своем окружении станут узнавать людей с чертами всего худшего, что присуще самим, и вступая в схватку, обрекать себя на гибель. При этом не зная, что боязнь смерти – это всего лишь страх наказания.

Дед Данила пролепетал :

– И что, подобная кара не минует никого?

– Отнюдь не так, – успокоил взволнованного старика Петр.

Теперь с полным правом бесенят и нечисть выметать позволено.

– И это здорово, – согласился Вова и, решив блеснуть талантом, принял гордую позу и завопил: – Если видишь где врага, бей меж глаз поленом. Ну а если нету дров, лучше в рыло сапогом. – И закончив, выжидательно уставился на деда. И когда тот, в очередной раз плюнув, горько заметил: «Тьфу на тебя», опережая, поправил: – Балабол счастливый.

Не задерживаясь, троица покинула дом и, следуя указаниям Петра, поехала в Останкино, желая «совершить восхождение» в ресторан «Седьмое небо», расположенный на верхотуре телебашни. Подъем на лифте сопровождался шутками Вовы, читающего стихи с восторженным энтузиазмом.

Расположившись за столом, подождали, пока зал, обрамленный стеклами, не начал совершать круговое движение, позволяя желающим обозревать открывающуюся панораму. Поднявшись, подошли к прозрачным стенам. И с высоты птичьего полета взглянули на Москву суровые представители высшей инстанции. В ясном небе летнего дня громыхнул гром, и яркой вспышкой блеснули молнии. Короткий, но яростный ливень совершенно неожиданно лавиной пронесся по улицам, разгоняя прохожих и стуча незакрытыми окнами. Очень многие в этот момент почувствовали необъяснимое томление в груди и легкое головокружение. Выходя из помещения телебашни, Петр нехотя процедил:

– Ну что ж, вы этого хотели. – А на вопрос деда: «Нам-то теперь чем заниматься?», – оставившись, принялся объяснять: – Материализовать темную сторону своей сущности, вступив с ней в поединок, и победить можно только, имея хотя бы совесть. Серость не знает такого понятия даже в языковом определении, и вот с ними придется разбираться нам.

...Плотнее смыкая ряды, люди беспокойно теснились на платформе в томительном ожидании поезда. Особо нетерпеливые наклонялись над краем, с любопытством заглядывая в глубину тоннеля. Но в мрачности проема только тускло поблескивали разноцветные фонари. Длительное бездействие злило толпу, растекаясь шипящим гулом. Но вот вдалеке послышался шум. Все большее количество пассажиров напряженно пытались разобрать в слабо звучащей музыке. В установившейся тишине из темноты тоннеля неожиданно вышел паренек, ошеломив своим появлением. В широких джинсах и разноцветных кроссовках, с баяном на груди, гордо оглядел обалдевших граждан. Ухарски поправив кепку, пробежался руками по клавишам, затем юношеским, чуть с хрипотцой голосом грянул озорную песню; «А я милого узнаю по походке. Он носит, носит брюки галифе. Он шляпу носит как панаму, ботиночки он носит нариман». С выражением вывода куплеты под собственный аккомпанемент, проследовал по рельсам вдоль очумелой от изумления толпы. За ним, неизвестно откуда, выпрыгнул здоровенный черный кот. И распушив трубой хвост, по-барски засеменял по шпалам вслед за уходящим исполнителем. Не успел музыкант скрыться в противоположном конце. Как на платформе, где все это время царил гробовое молчание, кто-то робко хихикнул, и многоликая масса народа захрипела от дружного истерического хохота. Смеялись, кажется, все.

Подошедший поезд остановился, надолго блокировав движение. Прибывшие врачи удивленно пожимали плечами не в силах объяснить внезапную эпидемию. Последствие инцидента снимало телевидение, пытаясь по-своему комментировать случившееся. Демонстрируя в новостях данный эпизод, приглашенный психиатр вынужден был врать на всю страну, пытаясь провести параллель с подобными массовыми истериями в каких-то сибирских деревнях. Откуда появился мальчик и куда он делся, никто понято не мог.

...Дед Данила с Петром, прослушав известия, переглянулись и, не сговариваясь, мрачно уставились на поникшего Вову, сидящего на диване рядом с Пятачком.

– Тебе чего, для этого могущество дали – народ веселить? – грозно спросил Петр.

Мальчик виновато привстал, но затем, решительно вскинувшись, искренне признался:

– Простите, товарищи, ничего не мог с собой поделат. Вот с первой минуты, как сюда прибыл, мечтал с баяном перед зрителями выступить, да с озорным припевом, да вразвалочку. Вы бы видели, как они на меня смотрели! И потом, ведь никто не пострадал.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.